

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ ПРОШЛОЙ НОЧЬЮ

ЛИЯ МИДДЛТОН

Я ОЧЕНЬ СТАРАЛАСЬ ВСПОМНИТЬ ХОТЬ ЧТО-НИБУДЬ: КРИК В ТЕМНОТЕ,
КАК ОНА ЗОВЕТ МЕНЯ... НИЧЕГО. СПЛОШНАЯ ТЕМНОТА

INSPIRIA

Ток. Национальный бестселлер. Британия

Лия Миддлтон

Что случилось прошлой ночью

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Миддлтон Л.

Что случилось прошлой ночью / Л. Миддлтон — «Эксмо»,
2021 — (Ток. Национальный бестселлер. Британия)

ISBN 978-5-04-195009-5

Наоми всегда хотела быть идеальной матерью. Но три года назад муж ушел от нее, забрав их годовалую дочь Фрейю. Он слишком боялся оставлять жену наедине с ребенком. Особенно после того «несчастливого» случая... Теперь Наоми всеми силами старается воссоединить свою семью, и ночевка с дочерью – ее шанс вернуть доверие мужа. Только эта ночь заканчивается страшной трагедией. В панике Наоми лжет о пропаже Фрейи, и... это меняет все. За считанные часы полиция организует масштабные поиски девочки, журналисты окружают дом, а бывший муж не находит себе места от горя. Наоми понимает, что хуже ее обмана только правда... Ведь она не помнит, что на самом деле случилось прошлой ночью.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-195009-5

© Миддлтон Л., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Часть первая	7
1	7
2	15
3	17
4	19
5	22
6	26
7	33
8	39
9	42
10	48
11	50
12	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Лия Миддлтон

Что случилось прошлой ночью

Lia Middleton

When They Find Her

Copyright © Lia Middleton, 2021

© Коваленко В., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

«Блестяще написано... Я буду рекомендовать этот роман всем, кого знаю».

Сара Пирс, автор бестселлеров «Санаторий» и «Скала жнеца»

Мрачный и затягивающий триллер, где автор с пронзительной точностью погружает нас в мир родительского горя.

Та эмоциональность, с которой пишет Миддлтон, не может оставить равнодушным, а финал не отпускает даже после прочтения книги.

Алина Лесняк, редактор

* * *

Фрейя спала. Я прижимала ее к своей груди, и ее теплое дыхание, быстрое и неглубокое, ритмично касалось моей кожи. От акушерок я слышала, что именно так дышат младенцы.

– Готова?

Эйден положил ладонь мне на поясницу, и я кивнула ему в ответ. Он взял Фрейю из моих рук и пристегнул ремнями к детскому креслу. Меня тут же пронзила острая боль от разлуки с ней. Шаркая и с трудом передвигая ноги, в сопровождении Эйдена я пересекла палату и оказалась в ослепительно белом коридоре. Я запрокинула голову и окинула взглядом огромный мир, тяжело нависший над нами. Он был слишком большим. Я ощущала себя бабочкой, покидающей тесную безопасность своего кокона.

Готова ли я?

Я быстро заморгала, притянула Фрейю еще ближе к себе и опустила взгляд на свои туфли. Шаг, еще шаг. По одному за раз.

Во время долгой поездки домой я сидела на заднем сиденье машины – посередине, как можно ближе к Фрейе. Я не отводила от нее глаз, а за окном исчез город и появилась сельская местность, раскинувшая свой зеленый ковер до самого горизонта и нашего дома. Мимо проносились поля, залитые солнечным светом. Деревья нависали над дорогой, поцелованные яркой летней зеленью. Животные паслись на выгонах. Скоро мы будем на ферме и сможем наконец начать нашу совместную жизнь. Моя маленькая семья. Мы втроем против всего мира.

Фрейя пошевелилась в детском кресле и слегка приоткрыла глаза, чтобы взглянуть на мир, а затем вновь погрузилась в сон.

«Я так сильно люблю тебя, – подумала я. – Обещаю, что буду заботиться о тебе. Обещаю, что никогда не причиню тебе вреда».

Глупо было давать такое обещание.

Иногда мы причиняем людям боль нечаянно.

Часть первая

1

Четыре года спустя...

Ноябрь

Они скоро приедут.

Высокие напольные часы, громко тикающие в холле, словно замедлили ход. Каждая секунда кажется часом, и с каждым качанием маятника покалывание тревоги усиливается. Стоя на коленях на мягкой голубой подушке в оконной нише, я вытягиваю шею, чтобы увидеть через маленькое круглое окошко длинную каменистую дорогу: темно-серая лента под пасмурным небом.

Я полчаса расхаживала по коридору, прежде чем занять свое место у окна. Часовой, наблюдающий и ждущий. Нужно только сделать так, чтобы он не заметил меня через стекло. Я должна быть спокойной, когда он приедет.

Бросаю взгляд на наручные часы. Он сказал ждать их к десяти... Как бы мне хотелось, чтобы она не жила так далеко. Эйден поклялся, что они не переедут дальше Лондона. Но это все равно слишком далеко по моему мнению.

Ладони у меня взмокли. Вытираю их о джинсы и качаю головой, пытаюсь заставить себя насладиться радостным возбуждением, робко проступающим из-под пелены страха. Я не могла с уверенностью сказать, когда наступит этот день и наступит ли он вообще. Теперь, когда это свершилось, все должно быть идеально.

Я опускаю взгляд на свои руки, где на пальце все еще жмутся друг к другу помолвочное и обручальное кольца, удобно вписываясь в бледную впадинку на коже. Эйден попросил меня снять их, но этому помешали костяшки моих постоянно опухших пальцев – один из многих побочных эффектов материнства.

Гравий на подъездной дорожке шуршит, и я снова вытягиваю шею, чтобы увидеть, как машина Эйдена паркуется перед домом на том месте, которое он обычно занимает. Я вскакиваю с подушки, бегу к двери и распахиваю ее. Старые железные петли скрипят, и порыв ледяного ветра со свистом врывается в дом.

Дверь со стороны водителя открывается, и я поджимаю пальцы ног на холодном кафеле. Эйден со стоном хватается за край двери, помогая себе выбраться наружу, его колени подгибаются под тяжестью тела. Я ничего не слышу, но они, должно быть, щелкнули – напоминание о тех школьных годах, когда он играл в регби. Какая нелепая машина для такого высокого мужчины! Он поворачивается к заднему пассажирскому сиденью, и я на цыпочках делаю несколько шагов вперед, пытаюсь мельком увидеть ее. Хлопает дверь, а затем...

Вот она: бежит ко мне, расплывшись в широкой улыбке, в руках трепещет на ветру большой лист бумаги.

– Фрейя! – пронзительно кричу я высоким от волнения голосом.

Моя дорогая девочка.

Фрейя Грейс Уильямс. Четыре года от роду. Появилась на свет 16 августа с весом чуть более трех килограммов, ростом в пятьдесят сантиметров, с десятью пальцами на руках и ногах, с зелеными глазами, как у ее отца, и волосами цвета воронова крыла, как у меня.

Подбегая к дому, она замедляет шаг и шаркает ногами. Гравий разлетается во все стороны, когда Фрейя останавливается прямо перед входной дверью. Она смотрит на меня снизу-вверх, легкая улыбка играет на ее круглом личике с еще по-младенчески пухлыми щечками.

Ее длинные волнистые темные волосы частично зачесаны назад, чтобы не падали на глаза, и в солнечном свете они кажутся почти золотыми.

Я приседаю и притягиваю ее к себе.

– Мапочка! – Ее дыхание щекочет мне ухо, когда она поворачивает голову, чтобы поцеловать меня в щеку.

Эйден подходит и встает позади Фрейи, придерживая ее за плечо. Она отрывается от меня и поворачивает голову, чтобы посмотреть на него. Он улыбается ей с высоты своего роста, кожа вокруг его глаз собирается морщинками. Именно его глаза меня поразили, когда я впервые увидела Эйдена много лет назад. Тогда он с уверенным видом подошел ко мне и моим подругам. Лондон накрыла волна жары, и бар на крыше изнывал под послеполуденным солнцем, но когда я подняла взгляд от своего напитка, услышав, как кто-то произнес: «Прошу прощения?», весь мир вокруг словно исчез. За спиной Эйдена ослепительно сверкала под лучами солнца Темза, но я не могла отвести от него глаз.

– Покажи мамочке, что ты для нее приготовила. – Его голос звучит хрипло, как бывает, когда он не выспался.

Я улыбаюсь, и Фрейя вытягивает руки, показывая мне лист бумаги.

– Это ты сама нарисовала?

Кивок в знак подтверждения, ее щеки вспыхивают, и она опускает взгляд себе под ноги.

Я беру рисунок. Поперек проведена немного неровная линия, закрашенная зеленым. Сквозь это зеленое пространство проступает крутая голубая волна. Коричневые стволы увенчаны завитками другого оттенка зеленого и усеяны красными шариками. Над всем этим – грубо заштрихованное море синего цвета. И, наконец, две фигурки: одна – маленькая, с зелеными точками вместо глаз, другая – высокая, с коричневыми точками. Фигурки держатся за руки, у обеих нарисованы розовые U-образные улыбки.

Наша ферма.

Мы.

Я смотрю на Фрейю, ее лицо нахмурено. Я улыбаюсь ей.

– Мне очень нравится твой рисунок, дорогая. – Голос срывается, и я откашливаюсь, чтобы прочистить горло. – Он просто замечательный.

Ее лицо разглаживается, и она улыбается мне в ответ.

– Спасибо, Фрейя. – Я наклоняюсь вперед и целую ее в лоб.

Она пахнет свежестью и чистотой, и я вновь вспоминаю, как сидела на диване, прижимая ее к груди. Как поглаживала пальцами ее мягкую кожу. Вдыхала этот аромат новорожденного ребенка.

Когда я встаю, Эйден протягивает мне розовый рюкзак, и наши пальцы соприкасаются. Я отдергиваю руку, как будто меня ужалили. Эйден встречается со мной взглядом, его брови приподняты. Я улыбаюсь, и тугая нить напряжения между нами разрывается. В ответ он скрещивает руки на груди и отступает назад, подальше от порога.

Я снова перевожу взгляд на Фрейю, которая ждет рядом, но чувствую, что Эйден, прищурившись, наблюдает за мной. Я вновь смотрю ему в лицо, и он выдерживает мой взгляд. Он хочет расколоть меня, чтобы лучше понять. Чтобы обнажить мои внутренности и хорошенько рассмотреть, что находится в моем сердце, течет по моим венам.

– Ну, ладно, Фрейя, – нарушаю я молчание и отрываю взгляд от Эйдена, чтобы улыбнуться дочери. – Попрощайся с папочкой, а потом можешь зайти внутрь, если хочешь, – там тебя ждет сюрприз в маленькой комнате.

– Книги? – спрашивает она.

– Возможно, – отвечаю я, игриво пожимая плечами.

Фрейя улыбается мне, а затем бросается в объятия Эйдена. Он целует ее в макушку и что-то шепчет ей на ухо. Она кивает в ответ, кричит последнее «до свидания» и проскальзывает

мимо меня в дом. Присев на ступеньку лестницы – вторую снизу, – Фрейя снимает туфли, швыряет их на пол, затем бежит на кухню и через нее – в маленькую комнату.

Придерживаясь рукой за дверь, я поворачиваюсь обратно к Эйдену. Его руки все еще скрещены на груди – барьер между нами. Я жду, что он скажет что-нибудь еще – «до свидания», «увидимся завтра», что угодно, лишь бы завершить нашу неловкую встречу, – но он просто стоит и смотрит на меня.

– Что ж... Спасибо, что позволил ей побыть со мной.

Эйден усмехается.

Я усилием воли удерживаю на лице выражение спокойного дружелюбия, но опущенная вдоль тела рука сжимается в кулак.

– Я действительно ценю это, – продолжаю я.

– Что ж, не забывай за ней присматривать.

– Конечно. – Я тщательно подбираю слова, но они звучат отрывисто. Глухо.

– Ты знаешь, что я имею в виду, Наоми. Я не привозил ее к тебе с ночевкой не просто так. Помнишь?

– Я все понимаю, – ошетиниваюсь я. – И с той поры прошло уже много времени.

Эйден не отвечает, и я ощущаю на себе его цепкий взгляд. Ему хочется что-то добавить – я чувствую, как невысказанные слова повисли между нами.

– Ну что еще?

– Обещай, что больше не будешь принимать те таблетки.

– Я уже давно их не принимаю. Но да... я обещаю.

Эйден внимательно изучает мое лицо, затем бросает поверх моего плеча взгляд в коридор, где Фрейя скользит по каменному полу по пути на кухню.

– Знаешь, может, я просто отвезу ее домой? Я не уверен, что готов...

– Ты никуда ее не повезешь! – огрызаюсь я, и гнев мгновенно вскипает у меня в животе. – Ты согласился оставить ее у меня на ночь. Ты обещал. Помнишь? – копирую я его снисходительный тон.

Понутив голову, Эйден кивает.

– Просто присматривай за ней. Ладно?

– Я присмотрю за ней, Эйден. Я ее мать.

Он пристально смотрит на меня, качает головой и открывает рот, набирая в грудь воздух, словно собирается что-то сказать, но потом почему-то не делает этого. Он просто снова качает головой, на этот раз решительно, и уходит, не оглядываясь.

Когда Эйден отъезжает, я ощущаю знакомую боль глубоко в животе. Кажется, я никогда не смогу спокойно смотреть, как он уходит. Но тут маленькая ручка дергает за край моего кардигана, я опускаю взгляд и вижу Фрейю, которая сжимает в ладошках книгу.

– Мапочка, давай почитаем в маленькой комнате?

– Конечно, дорогая.

Она убегает в заднюю часть дома, и я плотно закрываю дверь.

Фрейя лучезарно улыбается мне, когда мы наполняем ванну горячей водой с пеной. Она вылила почти половину бутылки и визжит от восторга, когда пузырьки растут на глазах.

Оставив кран включенным, мы идем через лестничную площадку в ее спальню. Даже когда Фрейи нет со мной и я слоняюсь по пустому дому, я иногда захожу в ее комнату. Очень долго она служила мне напоминанием о прошлом, о том времени, когда мы были одной семьей. Я не могла вынести даже мысли о том, чтобы изменить здесь что-то. Детская кровать так и стояла пустой в центре комнаты, над ней бесцельно свисала с потолка карусель, а кресло для кормления, в котором я часами баюкала свою малышку, покрылось пылью.

Но затем я вдруг поняла, что, заиклившись на прошлом, я не верну свою семью. Этим летом я покрасила стены в сиреневый цвет к четвертому дню рождения Фрейи. С каждым мазком краски я представляла, как моя дочь играет в этой комнате, читает. Засыпает. Когда Фрейя пришла навестить меня в свой день рождения и увидела обновленную комнату, она начала визжать и бегать маленькими кругами. Я продала кроватку, в которой она спала с шести месяцев, на благотворительной распродаже и заменила ее другой, которую Фрейя называет «кроватью для большой девочки» – с белыми столбиками и балдахином, расписанным облаками.

В углу комнаты гордо возвышается высокий книжный стеллаж. Он ломится от книг, новых и старых, часть которых принадлежала мне, когда я была маленькой. Стены украшены оформленными в рамки цитатами и отрывками из любимой книги Фрейи – сказка о маленькой девочке, которая последовала за Белым Кроликом, провалилась в глубокую нору и попала в Страну чудес. Однажды Фрейя даже спросила меня, можно ли ей сменить свое имя на Алису.

Я сделала ее комнату еще лучше в надежде, что однажды дочь наконец сможет вернуться домой. Здесь есть целая гора игрушек, с которыми ей редко удастся поиграть. Кровать, в которой она никогда не спала. До сегодняшнего дня.

Фрейя стоит перед книжной полкой, в середине которой почетное место занимает сохранившаяся со времен моего детства книга *«Алиса в Стране чудес»*. Обложка потерта, края страниц загibaются, потому что томик часто брали в руки и перечитывали. Моей дочери это нравится, так же как и мне. Она всегда так аккуратно ставит книгу на полку и с благоговением смотрит на нее. Как глядит на нее и сейчас, уже позабыв свою радость по поводу ванны.

Я быстро запускаю пальцы в задний карман джинсов и вытаскиваю свой телефон.

Щелк. Щелк. Щелк.

Фрейя неуклюже раздевается, затем мы проходим мимо лестницы и комнаты, раньше принадлежавшей моим родителям, и пересекаем лестничную площадку по пути в ванную. Я сажаю дочь в ванну, бортики которой все еще слишком высоки для ее маленького роста. Когда я это делаю, мой телефон вибрирует.

Это Руперт.

«Надеюсь, все идет хорошо. Думаю о тебе. Целую».

Внутри меня все сжимается от накатившей вины. Руперт хотел приехать, но я запретила, потому что этот вечер должен быть посвящен только мне и ей. Нам нужно провести его вдвоем, наедине друг с другом.

«Спасибо, все хорошо, мы как раз собираемся принять ванну, а потом ложиться спать. Обещаю, ты скоро с ней познакомишься. Целую».

Я пристраиваю телефон на краю умывальника, но он снова вибрирует и падает на пол. Поднимаю его, – экран не разбился, – и сообщение Руперта появляется на фоне фотографии: Фрейя, еще младенец, одетая в мятно-зеленый костюмчик для сна, впервые в жизни улыбается.

«Не могу этого дождаться. Ты уже сказала ей, что она скоро станет старшей сестричкой? Целую тебя много раз».

Я отрываю взгляд от экрана телефона и вижу, что Фрейя все еще смотрит на меня поверх края ванны. Она опускает взгляд на мой живот, затем переводит его на пузырьки в воде. Неужели она уже все поняла?

Кладу руку на свой живот, до сих пор плоский, слегка впалый там, где выступают тазовые кости. Пока ничего не заметно: прошло всего несколько недель. Порой у меня слишком разыгрывается воображение.

Не ответив на сообщение, кладу телефон на закрытую крышку унитаза и смотрю, как Фрейя играет в ванне: вода доходит ей до груди, в каждой руке – по горке пузырьков.

– Фрейя... Тебе нравится жить в мамочкином доме? – Я до боли прикусываю губу. Мне не следует задавать ей подобные вопросы.

Дочь продолжает играть с пузырьками, но через мгновение почти незаметно кивает.

Я быстро и с шумом выдыхаю. Мне нельзя спрашивать ее: не надо больше давить на нее. Но я ничего не могу с собой поделать.

– Ты хотела бы почаще оставаться с мамочкой? – Улыбаюсь ей, смягчая свой тон. Я хочу вселить в нее уверенность, что ее здесь любят. И какой бы ответ она ни дала, ее будут продолжать любить. Что она не расстроит меня. Нет ничего хуже чувства вины, особенно для ребенка. – Мы могли бы попросить об этом папочку, когда он приедет за тобой завтра, если хочешь?

Она прекращает играть с пузырьками и повторяет это движение – едва заметный кивок.

– Ладно. Мы спросим его.

Эйдену это не понравится. Он скажет, что я пытаюсь им манипулировать. Что я использую Фрейю как оружие. Но это неправда. Я бы никогда этого не сделала. Я нужна ей так же сильно, как и он. Даже больше. Каждый ребенок нуждается в своей матери.

Стоя на коленях над ванной, я зачерпываю ладонями огромную кучу пузырьков, набираю в легкие побольше воздуха и с силой сдуваю пузырьки в сторону Фрейи. Она начинает безудержно хохотать, когда они падают ей на волосы и лицо. И продолжает смеяться от всей души, так, что животик трясется: тем смехом, от которого в груди не хватает воздуха и даже мышцам пресса становится больно. Я смеюсь вместе с ней.

Побрызгавшись немного, осторожно мою ей волосы и ополаскиваю их, следя за тем, чтобы шампунь не попал ей в глаза. Когда мы еще жили здесь всей семьей, Фрейя терпеть не могла, когда ей мыли волосы, – боялась, что вода начнет щипать глаза. Она кричала «Ой-ой-ой!» еще до того, как я начинала лить воду ей на голову.

Хотела бы я сделать так, чтобы она меньше боялась.

Я поднимаю ее, ставлю на коврик в ванной, заворачиваю в пушистое белое полотенце и притягиваю в объятия. Ее мокрые волосы падают мне на плечо.

– Ну что, пойдем вытрем тебя насухо.

Мы идем, держась за руки и хихикая, но тут я спотыкаюсь о порог ее комнаты.

– Глупенькая мамочка! – говорит Фрейя.

Я помогаю дочери надеть ее любимую пижаму – с единорогом, – которую заранее разложила на кровати. Но когда я втыкаю в розетку провод фена и включаю его, Фрейя подпрыгивает, зажимает ладонями уши и отшатывается от меня.

– Тебе не нравится фен, дорогая?

Это что-то новенькое.

– Нет! Пожалуйста, выключи его! – кричит она, перекрывая шум. Я тут же выключаю фен. Теперь в комнате слышно лишь учащенное дыхание Фрейи, ее обнаженная грудь вздымается и опускается.

Я опускаюсь на колени так, чтобы мы оказались лицом к лицу.

– Это всего лишь фен для волос. Тебе не будет больно. – Я глажу ее по лицу, убирая волосы, а ее губы дрожат.

– Мне это не нравится. Этот шум пугает.

– Все в порядке. Мы просто высушим твои волосы полотенцем, хорошо?

– Хелен всегда так делает.

Моя рука вздрагивает при звуке этого имени, и пальцы задевают спутанные волосы Фрейи.

– Ой, мамочка!

– Прости. Прости меня. Это получилось нечаянно. – Я прикусываю внутреннюю сторону щеки и концентрируюсь на ритмичном растирании полотенцем ее волос.

Фрейя всего лишь ребенок – она не понимает. Она не хотела причинить мне боль.

– Может, хочешь почитать мне, пока я сушу твои волосы?

– Да, пожалуйста, – шепчет она.

Я достаю ее школьную книгу для чтения из рюкзака, который лежит возле шкафа. Это простая книжка с картинками: одно короткое предложение на странице и большие яркие иллюстрации. На то, чтобы высушить волосы полотенцем, уходит почти пятнадцать минут, но Фрейя ничего не замечает: ее маленькая грудь раздувается от гордости, когда она читает вслух.

Ее волосы наконец высохли, она забирается в постель, и я плотно укутываю ее одеялом до самого подбородка.

– Тебе удобно в этой постельке? – спрашиваю я.

Фрейя радостно кивает.

– А вот и Мышонок, – говорю я, и она тянет руки к своей любимой игрушке, без которой не может спать.

– Хочешь, я прочитаю тебе еще раз, дорогая?

– Да, пожалуйста.

– Что будем читать? Выбирай любую книгу, какую захочешь.

– «Алису»! – Она хихикает.

– Опять? – ахаю я, изображая шок. – Начнем с того места, на котором мы остановились? И до самого конца?

Фрейя кивает, ее глаза блестят от возбуждения.

Я забираюсь на кровать рядом с ней, прислоняюсь к изголовью и начинаю читать. Дочитываю всю книгу до конца, как и обещала.

– ...Наконец, она представила себе, как ее маленькая сестра вырастет и, сохранив в свои зрелые годы простое и любящее детское сердце, станет собирать вокруг себя других детей, и как *их* глаза заблестят от дивных сказок. Быть может, она поведает им и о Стране чудес и, разделив с ними их нехитрые горести и нехитрые радости, вспомнит свое детство и счастливые летние дни¹.

Я украдкой бросаю взгляд на Фрейю – ее глаза закрыты, а длинные темные ресницы трепещут на щеках.

Осторожно, чтобы не разбудить ее, я поднимаюсь с кровати, поворачиваюсь и целую дочь в щеку.

– Спокойной ночи. Я люблю тебя, Фрейя.

На цыпочках пересекаю комнату, выхожу за дверь и прикрываю ее, но не успеваю закрыть до конца, так как из темноты доносится тихий голос:

– Я тоже люблю тебя, мамочка.

– Добрых снов.

Я до щелчка закрываю дверь, и слезы приливают к глазам. Прислоняюсь к двери и выдыхаю, отпуская годы напряженного ожидания. Она дома. Наконец-то она дома. И это только начало: отныне это будет в порядке вещей. Фрейя будет спать в своей спальне, жить в этом доме со мной, как и положено.

Переодеваюсь в пижаму, затем уютно сворачиваюсь калачиком на диване в маленькой комнате с кучей тетрадей на проверку, время от времени поглядывая через французские окна на необъятное усыпанное звездами небо, нависшее над деревьями, которые стоят, невидимые в темноте, на границе сада. Время идет, и огонь громко потрескивает, постепенно угасая.

Когда гаснет последняя искра, а в очаге остаются лишь почерневшие угли, я поднимаюсь по лестнице в ванную и чищу зубы, стараясь двигаться как можно тише, хотя Фрейя не может услышать меня из своей спальни. Я умываюсь, затем открываю шкафчик под раковиной, и рука инстинктивно тянется к простой белой коробочке.

Пальцы замирают в воздухе, всего на мгновение, но затем я вытаскиваю упаковку и кладу в ладонь бирюзовую таблетку.

¹ «Приключения Алисы в Стране чудес». – Перевод Н. М. Демуровой.

«Я тоже люблю тебя, мамочка».

Эти слова всплывают у меня в голове, когда я встречаюсь взглядом с отражением в зеркале, кладу таблетку на язык и глотаю.

Моя девочка в безопасности. Моя девочка дома.

Услышав плач, я широко распахиваю глаза и быстро моргаю в темноте, пытаюсь осознать, что происходит. Всякий раз, когда я просыпаюсь, мне требуется несколько мгновений, чтобы вспомнить все мельчайшие подробности моей жизни и собрать себя воедино. Иногда эта вынужденная необходимость кажется мне невыносимой.

Что это за звук?

Я прикрываю глаза рукой и сосредотачиваюсь, пытаюсь определить шум, который раздается в темноте.

Кто-то плачет.

Это Фрейя.

Этого не может быть: вопль звучит высоко и пронзительно, как у новорожденного. Но звук мне знаком. Как будто я слышала его в прошлом.

Сажусь, и от резкого движения у меня кружится голова, но стоит мне вновь прикрыть глаза, как звук становится громче.

Там плачет ребенок. И это плачет она.

Фрейя.

Я мотаю головой из стороны в сторону, пытаюсь прогнать шум из головы, все быстрее и быстрее, но по мере того, как я это делаю, черная бесконечность за моими глазами взрывается вспышками света и цвета.

Стоп.

Тишина. Плач прекратился.

Возможно, это из-за таблетки. По утрам мне всегда хуже всего: в первые минуты после пробуждения последствия приема таблеток нависают надо мной, как туман. Мне не следовало ничего принимать. Только не сейчас, когда Фрейя здесь.

Я тянусь за своим телефоном и нажимаю кнопку. Экран освещает погруженную в тишину комнату, и видно время: 7:35 утра.

Может, Фрейя проснулась. Нужно проверить – она наверняка побоялась выйти из спальни и искать меня в темноте.

Спускаю ноги с кровати, но пошатываюсь, когда встаю. Опираясь на комод, я выпрямляюсь и снова встряхиваю головой, как будто это прогонит сонливость.

Темноту лестничной площадки рассеивает лишь слабый свет наступающего утра, который падает на лестницу через большое окно, выходящее на подъездную дорожку. Прищурившись, я смотрю в сторону детской спальни.

Дверь нараспашку.

Я определенно закрывала ее минувшим вечером... Может, она со скрипом открылась сама по себе. Или, возможно, Фрейя вставала, чтобы сходить в туалет, и не закрыла за собой дверь, – в конце концов, она уже не младенец.

У меня кружится голова, все вокруг кружится, будто я смотрю в калейдоскоп.

Просто дыши.

Шагнув с ковра на пол лестничной площадки, я ощущаю холодный камень под ногами. Коридор словно растягивается вдаль, – мои осторожные шаги ничуть не приближают меня к нужной комнате, – и дверь начинает вращаться, пока не оказывается подвешенной к потолку: весь мир перевернут вверх дном.

Я останавливаюсь и, быстро моргая, смотрю на свои ноги. Но мой взгляд приковывается к лучу света в форме улыбки, падающему на лестницу. Чеширский кот: его зубы сверкают.

Мы все здесь сумасшедшие.

Мир больше не перевернут с ног на голову, и я стою прямо перед открытой дверью в спальню Фрейи. Мои глаза привыкают к темноте комнаты, и я вижу кровать.

Она пуста.

Врываюсь в комнату и включаю свет.

Фрейи здесь нет.

Комната пуста.

– Фрейя? – Я прочищаю горло. – Фрейя... где ты?

Мягкие пальцы страха начинают ползти вверх по моей шее, и рука взлетает к затылку. Я соскребаю их прочь.

Может, она спряталась.

Резко пересекаю комнату, подхожу к гардеробу и распахиваю дверцы. Но Фрейи там нет. Только вешалки, на которых висит практически неношенная одежда.

Я разворачиваюсь и осматриваю комнату.

Где она?

Пальцы страха возвращаются и, уже ледяные, обвиваются вокруг моей шеи. Сжимаются.

Я стискиваю губы и медленно вдыхаю.

Это тебе снится. С Фрейей ничего не случилось.

Я выхожу из ее комнаты и внимательно прислушиваюсь к любым признакам ее присутствия. Но в доме тихо и темно.

Медленно иду по коридору к лестнице, мое дыхание учащается.

Прекрати это.

Она проснулась рано и спустилась вниз.

Но мое сердце бешено колотится.

Успокойся, Наоми.

– Фрейя? – снова зову я, и ее имя эхом отдается в моих ушах.

Я подхожу к лестнице, но не решаюсь посмотреть вниз. Мое сердце бешено колотится в груди.

Просто посмотри.

Она будет сидеть там, на второй ступеньке, как обычно: играть со своими мягкими игрушками, а рядом – распахнутая книга.

Делаю шаг и хватаюсь за лестничное ограждение. Мои руки дрожат, но я обхватываю ладонями деревянные перила, ищу утешение в прочном фундаменте дома. Не обращая внимания на тугую комок паники, засевший в центре груди, я делаю глубокий вдох и смотрю вниз, в прихожую.

Все мысли вылетают из головы, и на самую малую долю секунды я не понимаю, что вижу.

Фрейя лежит у подножия лестницы: глаза закрыты, волосы разлетелись вокруг головы, как нимб. Такая спокойная, как будто спит.

2

Я впервые увидела Фрейю, когда акушерка, которая казалась такой же измученной, как и я, наконец положила ее мне на грудь, кожа к коже. Тогда я смотрела, как малышка поднимается и опускается на моей груди с каждым вдохом и выдохом, вверх и вниз, вверх и вниз. Фрейя выглядела так, словно явилась из другого мира – не похожего на мой. Ее глаза были слишком большими, рот – очень маленьким, и с головы до ног ее покрывал мягкий густой пушок. Волоски отпали в течение нескольких дней, и из-под них появилась моя прекрасная дочь, но мне навсегда запомнилось, какое потрясение я испытала во время родов при ее появлении.

Там была и кровь. Ярко-красная с темно-коричневыми вкраплениями, кровь покрывала тонкую розовую кожу Фрейи, скользкую, как масло. А теперь ее кожа бледная.

Отведи взгляд. Отвернись, отвернись, отвернись.

Я замираю, на мгновение оказавшись в безмятежном глазе бури, парализованная шоком. Но взгляд прикован к тому месту, где неподвижно лежит моя дочь.

Оцепенение, удерживавшее меня на месте, ослабевает, и я лечу вниз по лестнице. На нижней ступеньке мои ноги цепляются одна за другую, и я, взмахнув руками, падаю на пол и сильно ударяюсь коленями.

Поднимаю голову, вижу совсем рядом с собой лицо Фрейи и касаюсь пальцами ее щеки.
– Фрейя?

Нет ответа.

Должно быть, мне это снится...

– Фрейя?! – кричу я, и мой голос гулко звучит в тишине.

Я упираюсь руками в твердый пол и подтягиваю себя, чтобы наклониться над дочерью и повернуться ухом близко-близко к ее губам – как делала в первые месяцы после ее рождения, когда боялась, что ночью она внезапно перестанет дышать.

– Фрейя?!

Воздух совершенно неподвижен. Нет теплого, слабого дыхания, мягко обдувающего мое лицо. Ничего нет.

Вообще ничего.

Проснись, Наоми.

Горячие слезы катятся по моему лицу, и я давлюсь слезью, стекающей по задней стенке горла. Протягиваю руку, беру запястье дочери и вдавливаю указательный и средний пальцы в мягкую детскую кожу.

Ничего. Пульса нет.

Проснись, проснись, проснись. Это просто кошмарный сон. Просыпайся!

Внезапно из груди вырываются рыдания. Пока я с открытым ртом таращусь на дочь, она с безжизненным видом смотрит в потолок. В ее глазах застыла тень страха.

Что она увидела?

Я протягиваю руку и беру ее за ладонь. Такая холодная.

Сколько времени Фрейя пролежала здесь? Почему упала? И как мне вернуть ее обратно? Наверняка, если я закрою глаза, задержу дыхание, загадаю желание, она проснется. Или проснусь я.

Ты спишь. Все, что тебе нужно сделать, – это очнуться.

Отпустив руку Фрейи, я щипаю нежную кожу на внутренней стороне своего локтя – сильно.

Проснись, Наоми!

Закрываю глаза, жду несколько мгновений, пытаюсь выровнять дыхание, затем поднимаю веки.

Я не лежу в своей постели, с облегчением глядя в потолок. Я по-прежнему в полной тишине стою на коленях на полу в прихожей. А Фрейя...

Крик льется из самого моего нутра – такого звука я никогда раньше не издавала.

Лихорадочно оглядываюсь вокруг в поисках подсказки к тому, что произошло, пытаюсь найти признаки того, что это сон, простой кошмар, но...

Что это?

В дальнем конце прихожей, почти касаясь входной двери, лежит маленький серый предмет, перевернутый вверх ногами, словно его отбросили в сторону.

Прищурившись, я пытаюсь разглядеть этот предмет, хотя перед глазами все плывет и помещение сильно раскачивается из стороны в сторону.

Что это такое? Что...

Это Мышонок. Мышонок Фрейи.

Должно быть, она взяла его с собой. Должно быть, он выпал у нее из рук, когда она...

Нет.

Я снова перевожу взгляд на Фрейю. Она по-прежнему лежит неподвижно.

Как это произошло? Как она упала? Она пыталась разбудить меня? Хотела добраться в мою комнату по длинному коридору с неровными полами? Или шла в туалет? Ей что-то понадобилось? Она попыталась спуститься вниз самостоятельно? В темноте?

Проснись, Фрейя. Проснись, проснись, проснись.

Кто-нибудь, помогите мне.

Пожалуйста!

Я трясую головой и прижимаю пальцы к вискам, чтобы собраться с мыслями, но внутри поднимается паника.

Думай, Наоми. Думай. Постарайся вспомнить. Она пыталась тебя разбудить?

Я лихорадочно роюсь в закоулках своего сознания, но ничего не могу вспомнить. Стоит мне принять таблетку, и я улетаю из этого мира. Словно впадаю в кому. Словно никогда больше не проснусь. И иногда целые отрезки времени распадаются в моей голове на отдельные кусочки. Иногда они полностью исчезают, и я остаюсь с огромной, зияющей черной дырой вместо памяти.

Мне нужно время, чтобы подумать.

Если б я не приняла ту таблетку, я бы смогла помочь Фрейе. Что, если она звала меня, а я не слышала? Что, если она нуждалась во мне?

Открываю глаза и вижу перед собой ее лицо.

Почему она пыталась спуститься вниз в темноте? Почему вышла из своей комнаты? Почему она это сделала? Почему?!

Но среди всех вопросов один постоянно приходит мне на ум и не дает покоя. Среди всех этих «почему» лишь одну дилемму я не могу отбросить в сторону или оставить без ответа.

Как мне рассказать об этом Эйдену?

Моя ладонь сама собой прижимается к животу, перед глазами все расплывается.

Когда примерно неделю назад я узнала, что беременна, эти две едва заметные полоски на тесте означали одно – второй шанс. Надежду.

После всего, через что мы прошли... как мне рассказать ему?

И когда я это сделаю... что ожидает моего будущего малыша?

3

Пятью годами ранее...

Ноябрь

Сжимая в руке тест на беременность, я медленно открыла дверь спальни и прошла через узкий коридор в ванную.

– Наоми? – крикнул Эйден из гостиной. – Ты в порядке, любимая?

– Да, в порядке. Буду через минутку! – Мой голос звучал странно. Пискляво и слишком радостно, как будто я вдохнула гелий из воздушного шарика.

– Ты уверена? – с тревогой уточнил Эйден.

Я понизила голос до обычного звучания.

– Ага.

Закрыв за собой дверь ванной, я стянула джинсы и примостилась на краю унитаза. Неужелюже опустила между ног тест, держа его так, чтобы не замочить руки. Сначала мне показалось, что ничего не произойдет, но затем процесс пошел, и быстрый поток хлынул прямо на тест. И на мои руки.

Я защелкнула крышку пластикового корпуса и положила его лицевой стороной вниз на край раковины. Поднявшись, вымыла руки, а затем прошлась туда-сюда по небольшому пространству ванной комнаты.

Сколько времени прошло?

Я посмотрела на таймер на своем телефоне – всего сорок пять секунд. Похоже, три минуты покажутся вечностью.

Я присела на край ванны и на мгновение прислонилась лбом к раковине, но тут же вскочила от щелчка открывающейся двери и увидела изумленное лицо Эйдена, который уставился на тест.

– Думаю, я беременна, – прошептала я, указывая на тест. – Похоже на то.

– Правда?! – Эйден неподвижно стоял в дверном проеме, не отрывая взгляда от теста.

Я кивнула. Слабая изумленная улыбка заиграла на его губах. Эйден вошел, плюхнулся рядом со мной на бортик ванны и протянул руку. Я переплела наши пальцы. Искоса взглянув на Эйдена, я попыталась оценить его реакцию. Мы решили зачать ребенка совсем недавно.

Он поймал мой взгляд и с ухмылкой прошептал:

– Я так волнуюсь.

– Я тоже.

Мы улыбнулись друг другу, затем уставились на тест, который лежал перед нами, готовясь предсказать будущее.

– Пора, – прошептала я.

Мы встали и медленно приблизились к нему, по-прежнему держась за руки. Я нерешительно потянулась к тесту.

– Готов? – спросила я. Эйден посмотрел на мои протянутые пальцы, покусывая нижнюю губу. Кивнув, он сжал мою руку, но не отрывал глаз от теста.

Я поколебалась – затем перевернула тест.

Две полоски.

– Черт возьми, мы станем родителями! – воскликнул Эйден, прижав ладонь ко лбу.

Я посмотрела на него. Его глаза округлились, а улыбка стала такой широкой, что могла бы разорвать лицо пополам.

– Мы станем родителями! – повторила я.

Эйден засмеялся и подхватил меня на руки. Мои ноги оторвались от пола, сердце оглушительно застучало. Я откинула голову и тоже засмеялась, громко и счастливо.

Когда Эйден поставил меня на ноги и поцеловал, обхватив ладонями лицо, я вздохнула. Теперь он – моя семья. Он. И наш ребенок.

4

– Алло?

Я расхаживала по коридору туда-сюда, снова и снова, но, услышав в трубке его голос, внезапно замерла на месте. Чувствую себя так, словно стою на краю обрыва, и если прыгну с него, то выпаду из своей жизни, и ничего не останется ни от нее, ни от меня, когда я упаду на землю.

Стук сердца эхом отдается в ушах, заполняя тишину, и ледяной холодок пробегает по моей спине.

– Алло? Наоми? Ты меня слышишь?

Мой взгляд скользит к большим часам, которые висят у входной двери. Уже почти четверть девятого. Эйден – ранняя птичка, так что он наверняка проснулся, но еще не принял душ и не оделся. Вместо этого он спустился вниз и сел за кухонный стол с большой чашкой кофе в руках: черный, без сахара. Полагаю, *она* все еще спит.

Прижимаюсь головой к стене, утыкаясь лбом в выступающие кирпичи, и адреналин разливается по моему телу. Дыхание звучит неровно, взволнованно. Я пытаюсь взять себя в руки, но из глубин живота всплывает знакомое чувство паники.

Она упала. Ты в этом не виновата.

Но Эйден меня никогда не поймет. Он мне не доверяет, а я настояла на том, чтобы он позволил мне оставить Фрейю с ночевкой. Он во всем обвинит меня.

– Алло?

Я солгала насчет таблеток. Я поклялась ему, что больше их не принимаю. Так уже было раньше...

Скажи что-нибудь, Наоми.

– Что-то случилось с Фрейей, – шепчу я в трубку, и слезы текут по моим щекам, попадая в рот. Я чувствую привкус соли.

– Наоми? Что ты сказала о Фрейе? – переспрашивает Эйден. – Что случилось?

Этого не может быть на самом деле...

Делаю глубокий вдох через нос, зная, что мой голос будет дрожать. Горло начинает сжиматься. Паника обхватывает своими пальцами мою голову, все туже затягивает на моих висках тиски, и я распластываю ладонь на стене. Все расплывается.

Фрейя упала.

Я заставляю себя произнести эти слова, но давление в голове настолько сильное, что я не могу думать.

Фрейя мертва.

Вся комната начинает вращаться.

Это был несчастный случай.

Просто скажи это.

Фрейя мертва.

Черный занавес опускается перед глазами, и я представляю себе мигающие синие огни. Парамедики стоят на коленях у подножия лестницы. Полиция держится в стороне и наблюдает. Жужжание застегивающейся молнии на белом мешке. *Сочувствуем вашей потере.*

У меня отнимут и будущего малыша тоже. Заберут Фрейю – и обоих моих детей больше нет. Мой дом наводнят люди в форме, которые унесут ее в какое-нибудь холодное, стерильное место...

– Эйден, ты что, приходил и забрал Фрейю, не предупредив меня?

Мой голос звучит странно, как будто я слышу его издали.

Открываю глаза, и мир прекращает раскачиваться. Эйден молчит. Я представляю, как он сидит за столом, не смахнув волосы, упавшие на глаза, и не до конца понимает, о чем я спрашиваю.

Я сама не понимаю свой вопрос.

– Наоми? О чем, черт возьми, ты говоришь?

Мне нужно отыграть назад. Прямо сейчас. Сказать ему, что произошло нечто ужасное, но в этом нет ничьей вины, и я сожалею.

Мне так жаль.

Скажи это.

– Я не могу найти Фрейю. Мы были на улице, и я зашла в дом, чтобы приготовить ей перекус, а теперь она куда-то пропала. Это ты приехал и забрал ее? – Мой голос срывается. Эйден подумает, что это от беспокойства.

– Зачем вы пошли на улицу?

– Она рано проснулась... Хотела поиграть...

– Наоми, это какая-то дурацкая шутка?!

Ложь наполняет мой рот, как рвота: густая, полная непереваренной правды. Я хочу выплюнуть эту гадость, но она застревает у меня между зубами и обволакивает язык.

Скажи ему правду. Просто скажи ему правду.

Но уже слишком поздно. Я уже солгала. Как мне взять свои слова обратно? Как сказать правду и заставить Эйдена поверить, что это была не моя вина?

Просто скажи ему.

Но он мне не поверит.

– Я не могу ее найти. Она куда-то пропала.

– Ты уже вызвала полицию?

– Нет, еще нет...

– Вызывай гребаную полицию, Наоми! Я сейчас же выезжаю. Постараюсь приехать как можно скорее.

Звонок оборвался. Я стою в коридоре, прижав трубку к уху, и слушаю монотонные, безжалостные гудки.

Что я натворила?!

Я должна позвонить в полицию до того, как Эйден приедет. В противном случае он захочет знать, почему я не сделала этого сразу. Но как только я совершу этот телефонный звонок, мне придется сделать ложь своей правдой. Я никогда не смогу простить себя за ужасное предательство дочери, ее памяти – ее сияющих глаз и звонкого смеха.

Но если я скажу правду сейчас, после того как солгала, кто мне поверит?

Я провожу пальцем по цифре 9...

Нет, нужно позвонить Руперту.

Руперт поможет мне. Он любит меня. Больше всего на свете. «Я готов ради тебя на все что угодно» – разве не так он всегда говорит?

Но действительно ли он готов?

Просто позвони ему.

Я набираю его номер и жду. Один гудок – и раздается щелчок, означающий, что Руперт ответил. Как всегда.

– Руперт? – зову я, не позволив ему даже поздороваться.

– Наоми? Что случилось? – спрашивает он. – У тебя странный голос.

– Ты мог бы приехать сюда, пожалуйста? – Я стараюсь, чтобы мой голос звучал ровно, но он дрожит – хлипкая шлюпка на бурных водах.

– Где ты? Что случилось?

– Ты мне нужен. Мне нужно... мне нужна твоя помощь.

– Наоми, скажи, что случилось.

Я прикусываю губу – сильно. Морщась, вытираю рот тыльной стороной ладони. Кровь.

Если кто-то и поймет, – если кто-то и поможет, – то это Руперт. Добрый, милый, ужасающе преданный Руперт.

– Фрейя...

Нельзя говорить ему правду.

Да, нельзя. Если я скажу ему это, то мне придется рассказать ему все. Обнажить перед ним душу, представить свое прошлое на его суд. А Руперт ничего не знает. Ничего о разлуке. Или о том, что было до нее.

И каким тогда надо быть монстром, чтобы захотеть мне помочь? Руперт любит меня, я знаю, что любит. Но он не монстр. Я закрываю глаза.

– Фрейя пропала. Я нигде не могу ее найти.

– Что?!

Я прикусываю губу сильнее и ощущаю жжение во внутреннем уголке, когда нежная кожа рвется, как тонкая бумага.

Вот дерьмо.

Руперт опередит всех – он живет совсем рядом. Он будет здесь через десять минут.

– Руперт, я...

– Я приеду, как только смогу, хорошо? Обратная дорога займет у меня примерно два часа.

– Два часа?!

– Я в Бристоле, помнишь? Поехал навестить сестру.

Я едва сдерживаю прерывистый вздох облегчения.

Бристоль. Ну конечно. Когда я сказала Руперту, что не готова познакомить его с Фрейей, что не хочу, чтобы он был в доме во время ее визита, – он решил поехать в Бристоль, чтобы повидаться с сестрой. Она уже несколько месяцев звала его в гости.

– Ладно. Что ж, приезжай как можно быстрее, пожалуйста, – говорю я.

– Обязательно. Уже выезжаю, – отвечает он. Я слышу, как он ходит по дому, как шуршат вещи, когда их торопливо записывают в сумку.

– И будь осторожен за рулем.

– Обязательно. Люблю тебя.

– Я тоже тебя люблю.

Нажимаю на кнопку, завершив разговор. Осталось сделать только один звонок...

Касаюсь экрана телефона, и он загорается, по-прежнему открытый на клавиатуре для набора номера. Кладу палец на нижнюю правую цифру.

Не делай этого, Наоми.

Я нажимаю на 9...

Ты будешь сожалеть об этом всю оставшуюся жизнь.

9...

Ты никогда не простишь себя.

9.

Идет набор номера, три длинных гудка и...

– Экстренные службы – какая помощь вам требуется?

Повесь трубку.

– Соедините меня с полицией, пожалуйста, моя дочь пропала.

5

Положив трубку, я ощущаю, как ложь берет верх надо мной. Она распространяется внутри, как инфекция, уничтожая любые остатки того, что могло быть правдой.

– Полиция скоро приедет, – шепчу я, опускаясь на колени рядом с Фрейей. – Я не могу позволить им забрать тебя... Мне придется перенести тебя в другое место. Мне так жаль.

Я глажу дочь по волосам, мои слезы каплют ей на лицо, и когда они оседают на ее коже, кажется, будто она тоже плачет. Я держу ее руку в своих ладонях. У нее всегда были теплые маленькие ручки. И пухленькие, когда Фрейя была младенцем. Теперь они стали холодными. Тепло жизни полностью улетучилось из ее тела.

Восемь тридцать пять.

Нужно поторопиться.

– Мне так жаль, – повторяю я шепотом, и мое дыхание касается ее щеки. – Мне очень, очень жаль. Мне просто нужно, чтобы ты осталась со мной. Хотя бы еще немного. Я никому не позволю забрать тебя... я перенесу тебя в безопасное место.

Мышонок... Она не сможет обойтись без него.

Я вскакиваю с пола и бегу к лежащему у двери Мышонку, едва не споткнувшись о коврик, – так тороплюсь вернуться к дочери.

– Вот и Мышонок, дорогая, – шепчу я, опускаясь на колени рядом с ней и подкладывая игрушку ей под руку.

Я просовываю ладони под Фрейю и...

Стоп.

Половик.

Мне нужно спрятать половик. Что, если на нем остались какие-то следы? Что-то, чего я не вижу, – но это ярким лучом маяка привлечет внимание полиции. От половика надо избавиться.

Я шарю руками под ним. Приходится поднапрячься, чтобы поднять Фрейю вместе с половиком, но мне это удастся, и я несу ее, как завернутого в пеленки младенца, к задней двери на кухню. Надеваю туфли, выбрав их из беспорядочной кучи обуви на коврике, и пытаюсь повернуть ключ в замке. Ничего не выходит. У меня не получается поворачивать ключ и одновременно держать на руках Фрейю и половик.

Пиная дверь, которая дребезжит в раме.

Я не могу унести все сразу. Мне придется вернуться за половиком.

Давай быстрее.

Я кладу свою ношу на пол, затем толкаю дверь и одновременно поворачиваю ключ. Замок со щелчком открывается. Хватаю большую связку ключей и тяну дверь на себя.

Она распаивается, и холодный ноябрьский воздух проникает в дом. На мне по-прежнему надета лишь фланелевая пижама в красно-синюю клетку, которую Эйден купил мне четыре Рождества назад. Наше последнее Рождество вместе. Я дрожу. Мне холодно – так, что спина коченеет. Я беру Фрейю на руки и целую ее в лоб.

Мои глаза привыкают к дневному свету. Все изменилось. Окрестности выглядят иначе, словно я попала в другой мир. И, возможно, это все... возможно, это всего лишь дурной сон.

Цепляюсь за эту мысль, а леса вдалеке искрятся в лучах восходящего солнца, сверкая инеем.

Я быстро шагаю по гравийной дорожке, которая ведет от дома вниз к фруктовому саду. Сухая трава царапает мои голые лодыжки, когда я пробираюсь сквозь нее к реке, перешагивая через яблоки, которые летом упали с деревьев и разложились, превратившись в перегной. Раньше сад был идеально ухожен, ветви тяжелели от плодов. Теперь в воздухе висит запах гнили.

Добравшись до дальнего края сада, я иду вдоль забора на юго-восток, туда, где небольшой мост пересекает самое узкое место реки. У ивы. Я открываю ворота, слушая свое шумное дыхание. Тупфы стучат по деревянным перекладинам, пока я иду по мосту. Кожу на шее покалывает, и я замираю. Кто-то наблюдает за мной?

Но здесь никого нет. Никто не смотрит на ферму, и никто не сможет увидеть, что я делаю. Никто за мной не наблюдает.

Иди дальше.

Бегом пересекаю небольшой открытый участок земли и скрываюсь в густой роще серебристых деревьев. Леса со всех трех сторон окружают территорию, расположенную к югу от дома, но те деревья, что растут на юго-востоке, особенные. Они выиграют для меня время, пока я решу, что делать.

Иди дальше, Наоми. Скоро ты проснешься.

Деревья склоняются надо мной, как немые свидетели происходящего. Порыв холодного ветра ударяет мне в лицо, и я поднимаю взгляд на промерзшие ветви. Они мне знакомы. Я добралась до нужного места – это определенно оно. Кладу Фрейю на неровную землю, и меня вновь охватывает то же чувство. Кто-то наблюдает за мной. Что, если полиция и Эйден уже прибыли и последовали за мной? Я оглядываюсь через плечо, сердце колотится, дыхание сбивается.

Я одна.

Сдвигаю одеяло из разложившихся листьев, чтобы добраться до замерзшей грязи, и начинаю рыть мерзлую почву руками. Пальцы покраснели и одеревенели, и по мере того, как они начинают неметь, мои движения становятся все более исступленными. Но я потею: напряжение и стресс вытекают из моей кожи.

Продолжаю копать, а потом... мои пальцы вздрагивают от прикосновения к потускневшему металлу.

Дверь.

Этот лаз я обнаружила в детстве, играя в здешних лесах. Я любила забираться на деревья и сидеть, свесив ноги по обе стороны ветвей. Однажды, спрыгнув с дерева, я услышала странный шум, словно мои ноги ударились о более твердую поверхность, чем листья и земля. Я целую вечность смотрела на листья у себя под ногами, пытаюсь понять значение этого звука. Я знала, что там что-то есть, просто не могла сообразить, что именно. Когда мой папа отвез продукты на деревенский рынок и вернулся домой, я выбежала на подъездную дорожку и бросилась в его объятия.

– Я нашла кое-что в лесу! – закричала я.

– И что же ты нашла? – притворился удивленным он.

– Не знаю! – Я побежала вокруг дома, зная, что это будет быстрее, чем прокладывать путь через него. – Пойдем со мной, папа! Мне нужно тебе показать!

Он догнал меня, и я прыгнула на то самое место, куда приземлилась с дерева. Отец поднял брови, глядя на меня, и наклонился. Его губы изогнулись в кривой улыбке. Я тоже наклонилась, и мы вместе начали раздвигать листья. Отец рассмеялся, когда я ахнула при виде металла.

Мне казалось, что я открыла волшебный проход. Дверь в другой мир. В свою собственную маленькую Страну чудес, скрытую там, в лесу.

Это оказался бункер. Мой прадед служил офицером в армии во время войны, и моя прабабушка предложила оставить детей на ферме, чтобы защитить их от опасностей Лондона. Поэтому они построили это убежище, один из многих забытых бункеров, спрятанных по всей стране, память о которых затерялась во времени. Он был построен так, чтобы его нельзя было обнаружить. Коробка, зарытая в землю, армированная бетоном и сталью.

Примерно через год после обнаружения бункера я поскользнулась в нем на лестнице и сломала ногу. Мама была в ярости. Папа положил крышку на место и закопал ее. Я умоляла его откопать дверь обратно, но он отказался.

Его голос эхом отдается в моей голове.

Мы не говорим неправду, не так ли, Наоми? Мы всегда должны быть честными и добрыми.

Прости меня, папа.

Не думай о нем. Не сейчас.

Я хватаюсь за металлическое кольцо двери и стискиваю зубы от напряжения.

Я никогда не рассказывала Эйдену о бункере. Никому вообще не рассказывала. Я отгородилась от воспоминаний о папе, заперев их внутри себя, где только я могу до них добраться.

Наконец, дверь поддается. Я стою, тяжело дыша, уперев руки в бедра, и смотрю вниз на место, которое когда-то давным-давно казалось мне таким волшебным.

Здесь она будет в безопасности.

Я возвращаюсь к Фрейе. Утреннее солнце окрашивает облака в красноватые тона, его лучи падают на мою дочь сквозь просветы в кронах деревьев, и ее пижама с единорогом весело сияет на фоне унылой земли. Я несу ее туда, где ждет открытый люк.

Поднимаю ее голову к своему лицу и прижимаюсь щекой к ее лбу, когда начинаю спускаться по лестнице. Добравшись до последней ступеньки, опускаюсь на колени и баюкаю Фрейю в своих объятиях. Так и вижу, как она выглядела в детстве, – округлый мягкий изгиб лица, маленькие надутые губки. Но я также вижу в ней женщину: длинные темные волосы и скулы Эйдена.

Я осторожно кладу ее на бетонный пол и опускаю ее голову на землю. Теперь Фрейя вновь лежит неподвижно.

– Здесь ты будешь в безопасности, – шепчу я, и моя нижняя губа дрожит. – Никто тебя не найдет, и тебе здесь будет тепло и уютно. Никто тебя не найдет, никто тебя не заберет...

Я могла бы просто задвинуть люк на место, закрыв нас обеих здесь навсегда. Что мне остается без нее? Кто будет скучать по мне? Я могла бы сидеть здесь, внизу, с ней, пока тоже не закрою глаза и не усну навечно.

Нельзя...

Будущий малыш.

– Я вернусь за тобой. Я не оставлю тебя здесь, обещаю. Я люблю тебя.

Как только полиция уедет, я вернусь за ней.

Подползаю к двери и вытаскиваю себя из ямы, ложась животом на листья, которые намертво примерзли к земле.

Тяжело дыша, я поднимаюсь и останавливаюсь, чтобы перевести дыхание...

Иди дальше – они могут появиться здесь в любую секунду.

Бегу обратно через лес, через открытый участок земли к мосту и через фруктовый сад к задней двери. Жгучая боль пронзает мой бок, когда я наклоняюсь, чтобы свернуть половик, и я задыхаюсь, пытаюсь наполнить легкие кислородом. Закинув половик на плечо, поворачиваюсь обратно к лесу, но рыдание вырывается из моих сжатых губ, и тяжелое дыхание превращается в мучительные стоны.

Просто еще одна пробежка туда и обратно.

Давай.

Я возвращаюсь в бункер и спускаю половик по лестнице. Накрываю им Фрейю до подбородка, как одеялом.

– Я вернусь за тобой, – обещаю я.

Это всего лишь дурной сон. Скоро вы снова будете вместе.

Я вылезаю из бункера и захлопываю дверь. Звук удара металла о металл грохочет среди деревьев, поднимается над кронами и улетает в открытое небо.

Вернув дверь на место, достаю тряпку, которую засунула за пояс пижамных штанов, и протираю металл. Собрал все силы, я возвращаю грязь и листья обратно на место. Дверь постепенно становится все меньше и меньше, пока не исчезает.

Делаю шаг назад, но мое плечо врежется в кого-то высокого и крепкого. Я подпрыгиваю и оборачиваюсь, не в силах дышать.

Это просто дерево.

Я бегу. Бегу так быстро, как только позволяют мои усталые ноги, и огни, сияющие из дома, ведут меня обратно, как свет маяка в шторм.

Ворвавшись внутрь, я поворачиваю вентиль крана до упора вправо, хватаю из-под раковины первые попавшиеся под руку чистящие средства и выбегаю в коридор, пока горячая вода брызжет, а затем начинает хлестать. Я стою над тем местом, где раньше лежал половик, затем опускаюсь на четвереньки, чтобы осмотреть большие каменные плиты.

Я ничего не вижу. Никаких признаков того, что Фрейя вообще когда-либо была здесь.

Перегибаюсь пополам, и боль пробегает вверх по моему телу.

Продолжай.

Я бегу обратно на кухню. Бросаю все в шкафчик, затем наклоняюсь над раковиной и мою руки, оттирая пальцы и ладони. Я хочу, чтобы они истекли кровью.

Моя нога выбрасывается вперед. Я пинаю, и пинаю, и пинаю шкафчик, ярость поднимается из желудка в горло, и из него рвется гортанный крик.

Ты монстр.

Схватив полотенце со стойки, я наклоняюсь и счищаю грязь со шкафчика. Древесина раскололась, пошла вверх трещинами, волокна отделились друг от друга.

Снимаю туфли и бросаю их обратно поверх беспорядочной кучи, тянусь за кардиганом, который висит у двери, и натягиваю его, пока бегу в коридор к большому серебряному зеркалу, прислоненному к стене. Но растрепанная женщина, которая в отражении смотрит на меня, – это не я. У этой женщины волосы выбились из пучка и спадают на плечи, низ пижамных штанов покрыт грязью, бледное лицо блестит от пота и слез, а глаза полны печали, – и это не я. Она призрак – отражение, которое смотрело на меня из зеркала, когда потеря была навязчивым фантомом, витавшим надо мной, куда бы я ни пошла.

По-моему, я приказала тебе не возвращаться.

Я подпрыгиваю от звука рычащего двигателя и напрягаю слух. Вот он: звук шагов по гравиию.

Дыши, Наоми.

Я смотрю на массивную деревянную входную дверь. Представляю, как они стоят по другую сторону, оглядывают фермерский дом, а дом глядит на них в ответ. Наблюдает. Если бы только я могла запереться здесь и отгородиться от всего мира. Но я не могу.

Секундная пауза перед неизбежным...

Вот оно.

Три резких удара в дверь.

6

– Наоми Уильямс?

У двери стоят трое полицейских с застывшими на лицах гримасами обеспокоенности. Мужчина и женщина, оба в униформе, и еще один мужчина в гражданском. Он наверняка главный среди них.

– Да, это я.

Мой взгляд перемещается с одного лица на другое, затем – на небо позади них. Я пытаюсь сфокусироваться на одном лице – на одном человеке, но не могу. Солнце поднимается все выше и выше, и его красные и оранжевые пальцы прочерчивают небо.

– Я детектив-сержант Майкл Дженнинг, а это мои коллеги, констебли Денвер и Каллаган. Это вы звонили нам по поводу дочери?

Распахни дверь. Почему ты смотришь на них через узкую щель?

Я рывком открываю ее, подставляя себя взору внешнего мира.

– Да, да. Пожалуйста, проходите. – Я отступаю в сторону, и они входят друг за другом, слабо улыбаясь мне, когда проходят мимо.

Я закрываю дверь и поворачиваюсь к ним лицом, заламывая руки.

Они ждут, что я заговорю первой?

Мой взгляд блуждает по тому месту у подножия лестницы, где менее часа назад лежала Фрейя. Я сильно прикусываю дрожащую губу.

Возможно, я все еще сплю. Возможно, я нахожусь в самом глубоком сне, когда веки такие тяжелые, что их невозможно приподнять. В той фазе, когда кажется, будто ты куда-то проваливаешься.

Один из констеблей, чье имя я уже забыла, многозначительно откашливается, и я подпрыгиваю.

– Кхм, извините. Не хотите ли пройти в гостиную?

Они переглядываются, и Дженнинг улыбается так, будто явно хочет меня приободрить, но вместо этого просто выглядит грустным.

– Давайте поговорим там, где вам будет удобнее, миссис Уильямс. Отец ребенка здесь?

– Он здесь не живет, – отрывисто бросаю я. – Мы больше не вместе.

Дженнинг на миг стреляет взглядом в сторону остальных.

– Как его зовут?

– Эйден Уильямс.

– Выходит, Уильямс – ваша фамилия по мужу?

Я киваю. Мне нужно сохранять контроль над своим лицом, не показывать эмоций при упоминании Эйдена, но я чувствую, как мое выражение лица начинает меняться. Трещина в фарфоровой тарелке. Одна оплошность, – и я разобьюсь на куски.

Бросив меня, Эйден подал на развод, сославшись на непримиримые разногласия. Несколько месяцев спустя я бесцельно заглянула в почтовый ящик, не ожидая никаких посланий из внешнего мира, и обнаружила там письмо. Я неаккуратно рванула конверт, и бумага разошлась, как рана. До сих пор помню, что мне казалось, будто документ сопротивляется, не желая покидать пределы конверта, хотя на самом деле сопротивлялась я, уже зная, что будет там написано. И я не хотела видеть слова, ровными строками напечатанные черным по белому, несущие такой окончательный в своей формальности приговор: *«Решение суда о расторжении брака»*.

Вот и все: вот так просто мы развелись.

Но я до сих пор не смогла заставить себя сменить фамилию.

– Простите, да. Это моя фамилия по мужу. Вообще-то, Эйден уже в пути. Он должен появиться здесь с минуты на минуту.

– И как давно вы расстались?

– Несколько лет назад.

– Где он живет?

– В Лондоне.

– А ваша дочь живет здесь с вами?

– Нет. Она живет со своим отцом и его женой.

– И как ее зовут?

– Простите?

Пожалуйста, не заставляйте меня говорить это.

– Жена мистера Уильямса. Как ее зовут?

Боль предательства запечатывает мои губы. Все это время я отказывалась произносить ее имя вслух. Называла ее просто «она», «эта женщина», «жена Эйдена». Но сейчас мне придется это произнести.

Просто скажи это, Наоми.

– Хелен.

Дженнинг переносит вес на другую ногу и кладет руки на бедра.

– Извините, что закидываю вас вопросами, но проще задавать их по мере возникновения.

– Нет, все в порядке. Не хотите пройти в комнату и присесть?

Не дожидаясь ответа, я пересекаю прихожую и веду их в гостиную. Полицейские следуют за мной, их сапоги стучат по каменному полу.

Я вхожу первой, но Дженнинг мнется на пороге, вытянув руку, чтобы помешать коллегам зайти следом за мной.

– Может, нам следует разуться? – Он кивком указывает на толстый ковер кремового цвета.

– Нет, нет. – Взмахом руки я приглашаю их войти. – Пожалуйста.

Они входят и садятся вместе лицом к камину, глубоко утопая в подушках серого дивана. Я сажусь в кресло справа от них, складываю руки на коленях и подаюсь вперед к собеседникам.

– Вы живете здесь одна? – спрашивает Дженнинг с дружелюбной ноткой в голосе. Он пытается наладить отношения. Чтобы заставить меня открыться.

– Да. Теперь уже да.

– Красивый дом.

– Спасибо. Я здесь выросла.

– Это действующая ферма? Или вы работаете в другом месте?

– Нет, больше нет.

– Вы о ферме или о работе?

– Простите?

Он сдвигается вперед к краю дивана.

– Эта ферма больше не действует, или вы больше не работаете?

– Ферма. Это не для меня... А что касается работы – раньше я преподавала на полной ставке, но сократила рабочие часы после рождения дочери. Теперь я при необходимости замечаю временно отсутствующих учителей.

– Что вы преподаете?

– Английскую литературу.

Дженнинг вежливо кивает, растянув плотно сжатые губы в улыбке.

– А теперь я просто задам вам несколько вопросов о том, что произошло, вы не против?

– Нет, я только за.

– Я буду делать пометки в блокноте, а констебли включают свои персональные видеорегистраторы, чтобы у нас сохранилась точная запись ваших слов. Вы не возражаете?

Я киваю. То, что я сейчас скажу, будет записано.

Будь осторожна, Наоми.

– Назовите полное имя вашей дочери. – Дженнинг снова улыбается, и его лицо выглядит открытым, дружелюбным. Он производит впечатление детектива, которому можно довериться. Он действительно такой или притворяется?

– Фрейя Грейс Уильямс.

– Сколько ей лет?

– Ей четыре.

– До того, как вы с мужем расстались, вы с ним жили здесь?

– Да.

– И Фрейя жила здесь, пока вы не развелись?

– Да. Мы переехали сюда всего за пару месяцев до ее появления на свет.

– Почему вы переехали сюда?

Я бросаю взгляд в прихожую. Так и вижу, как папа стоит там, его глаза сверкают, а голос звучит хрипло от гордости.

Однажды ты вернешься, помни мои слова.

– Просто захотелось перемен в жизни, – шепчу я, отводя взгляд от папы.

Это была идея Эйдена. Он сделал это ради меня. Ради Фрейи.

А потом все пошло наперекосяк.

– Ладно. Понимаю, что для вас это очень страшное и трудное время, но не могли бы вы рассказать нам, что произошло сегодня утром?

Я киваю, стискивая ладони так, что костяшки пальцев белеют. На самом деле полицейские выглядят довольно комично, все трое пытаются казаться как можно более профессиональными и серьезными, стараясь при этом не погружаться все дальше и дальше в глубины плюшевого дивана. В любой другой ситуации я бы рассмеялась. Я начинаю щелкать всеми пальцами по очереди, дожидаясь характерного треска, прежде чем перейти к следующему. Разминаю каждый сустав, пока полицейские наблюдают за мной. Они ждут, когда я начну говорить.

Щелк, щелк, щелк, щелк, щелк.

Пауза.

Щелк, щелк, щелк, щелк, щелк.

Я не знаю, с чего начать.

Просто начни говорить.

– Ну, я проснулась этим утром, а Фрейя...

Фрейи уже не было. Но я не могу им этого сказать. Я даже не могу сказать им, что проснулась и обнаружила, что она пропала. Нет никаких доказательств того, что кто-то вломился в дом. Почему я не продумала то, что буду говорить? Как только полицейские начнут искать и ничего не найдут, они поймут, что я лгу.

– Да?

– Фрейя проснулась примерно... в половине седьмого. – Мой голос звучит тихо, чуть громче шепота. – И мы спустились вниз и позавтракали.

Он кивает, его взгляд не меняется.

– Что случилось потом?

– После этого она попросила пойти поиграть на улицу. Я сказала ей, что еще слишком темно, и она должна сначала одеться, но она продолжала просить. Она не живет со мной, так что, наверное, я иногда ее балую. Я надела на нее пальто и выпустила поиграть на улицу.

– В котором часу это было?

– Около половины восьмого.

– Вы выходили с ней на улицу?

– Ненадолго. Затем я зашла внутрь, чтобы приготовить нам что-нибудь перекусить. Она снова проголодалась, но не хотела отрываться от игры, поэтому я пошла на кухню.

– Как долго вас не было?

– Десять минут? Может, чуть больше.

– Затем что вы сделали?

– Я не знаю... В голове все перемешалось.

Я не могу думать. Я не хочу лгать.

– Простите, – бормочу я.

– Все в порядке. – Дженнинг продолжает смотреть на меня, на его лице играет та же нежная, ободряющая улыбка. – Я понимаю, что сейчас для вас все наверняка как в тумане, и вы беспокоитесь о своей дочери, но если бы вы могли рассказать нам о том, что именно произошло, как можно подробнее, это действительно помогло бы нам.

– Ладно.

Продолжай говорить.

– Я вернулась на улицу, но ее там не было. Я нигде ее не видела.

– В котором часу вы заметили ее исчезновение?

– Э-э... незадолго до восьми.

Дженнинг снова подается вперед и теперь сидит на самом краешке дивана.

– Итак, что вы сделали затем? – говорит он, и его голос впервые звучит уверенно, приказывая мне продолжать.

Я очень не хочу рассказывать эту историю. Но расскажу. Еще несколько минут. Тогда у них будет то, что им нужно, и они уйдут. И я смогу решить, что делать.

– Я вернулась в дом. Подумала, что она, возможно, вошла, а я не заметила. Я позвала ее по имени, но она не ответила. Она любит играть в своей комнате, поэтому я сначала поднялась туда, чтобы проверить. Я проверила все наверху... Ее нигде не было.

– А внизу вы искали?

Образ Фрейи, лежащей у подножия лестницы, пронзает меня болью: пощечина, которую ты должен ожидать, но не предвидишь.

– Мисс Уильямс?

Полицейские терпеливо ждут, наблюдая за мной, пока я уставилась прямо перед собой невидящим взглядом. Я их не замечаю. Они просто тени, скрытые за Фрейей, которая лежит как сломанная кукла – конечности согнуты и обмякли.

– Что случилось потом?

– Тогда я... я спустилась вниз и обыскала все вокруг. Здесь, на кухне, в маленькой комнате, в столовой, в туалете. Затем я снова обошла весь дом и заглянула во все ее места для прятков...

Дженнинг слегка хмурится, на его лице мелькает гримаса замешательства. У него нет детей.

– Ей нравится прятаться. Дети любят прятаться.

– Значит... вы искали везде и не смогли ее найти.

– Да.

– Вы снова выходили на улицу? Мы заметили, что за домом есть лес. Вы искали там?

Лес. Рука Фрейи, которая безвольно повисла и яростно раскачивается, ударяясь о мою ногу. Ее широко раскрытые глаза, глядящие в небо.

Едкий привкус тошноты заполняет мой рот.

– Нет. – Я сглатываю, но мой рот наполняется слюной. – Я дошла только до реки. Я испугалась, что она могла упасть в воду. Но она не пошла бы в лес одна.

– А могла ли она упасть в реку?

– Ее там не было.

– Могло ли ее унести вниз по течению?

– Река в той части, где она протекает по нашей территории, очень мелкая. Мельче, чем по щиколотку. И я не думаю, что Фрейя смогла бы перелезть через забор. Но она в любом случае не пошла бы к реке. Или в лес.

– Вы уверены?

– Она очень робкая. Всего боится и ненавидит эти леса. – Мой голос срывается, горло сжимается, когда горе разрастается в груди. – Ей даже со мной не нравится туда ходить.

– Ясно. Итак, что вы делали затем?

– Я позвонила Эйдену и спросила его, не приезжал ли он забрать ее из...

– А он мог это сделать? – перебивает меня Дженнинг, выпрямляя спину.

Его голос изменился.

– Я... я не понимаю вопроса.

– Для мистера Уильямса в порядке вещей приехать к вам домой и забрать дочь без вашего ведома?

– Нет... Он никогда не делал этого или чего-то подобного, но я... я просто пыталась придумать возможное объяснение тому, куда она делась. Мы не договорились о времени, когда он заедет за ней, поэтому я подумала, что, возможно, Эйден приехал за ней, и она услышала его машину. Побежала к нему вокруг дома или что-нибудь в этом роде.

– И что ответил мистер Уильямс?

– Он ответил «нет». Потом сказал мне, что выезжает, и попросил позвонить в полицию. Я позвонила вам, как только мы завершили разговор.

– А есть ли кто-нибудь еще в семье, ваш парень, бабушки и дедушки, кто мог прийти и забрать Фрейю?

– Нет, – шепчу я. – Никто бы просто так не забрал ее, не сказав мне.

Дженнинг пристально смотрит в свой блокнот, пишет несколько строк, затем снова поднимает взгляд на меня. Его лицо мгновенно становится более расслабленным, брови разглаживаются, как будто сам процесс записи информации, которую он собирает, снимает часть груза ответственности.

– Насколько легко было бы кому-то получить доступ к вашему участку, Наоми?

– Очень легко.

Он ничего не говорит, но продолжает наблюдать за мной. Хочет, чтобы я ответила более подробно.

– Ну, по пути от дороги к дому нет ворот или ограды, и нет ничего, что могло бы помешать кому-то выйти на подъездную дорожку и обойти дом.

– А не мог кто-то подойти к дому сзади, а не спереди?

– Мог.

– Сколько акров занимает ферма?

– Она довольно маленькая. Двадцать один гектар. Чуть больше пятидесяти акров.

– И она обнесена каким-нибудь забором?

– Только по границе территории. И есть довольно много общественных пешеходных дорожек, которые проходят прямо через нее.

Дженнинг снова опускает взгляд в блокнот.

Провожу по царапине на своей руке, и кожу покалывает, когда палец скользит по ней. Края ранки набухли и кровоточат. Я опускаю рукава кардигана, чтобы прикрыть руки, и плотнее прижимаю ткань к телу, обхватывая себя за плечи: мне так холодно. Сбоку от большого пальца отслоился небольшой кусочек кожи. Я подношу руку ко рту и пытаюсь откусить заусеницу, но она не отрывается.

– Ладно. Я отправлю констеблей Каллаган и Денвера оцепить территорию, если вы не против.

Леденящая паника пробегает по моим рукам, кожа становится холодной.

Они не собираются уходить.

Но мне нужно время: нужно придумать, что делать, как вернуться к ней и исправить то, что произошло. Нужно убедиться, что я смогу обеспечить ее безопасность. Но я здесь в ловушке. А Фрейя где-то там.

– Я не возражаю, – отвечаю я, и мой голос срывается.

– А затем мы проведем тщательный обыск в доме, а другая команда обыщет территорию фермы и лес.

Лес.

Вся кровь отхлынула от моего лица. Могут ли они заметить?

Всего через несколько коротких часов земли, окружающие ферму – поля, фруктовый сад, амбары и леса, – будут кишеть полицейскими, чья единственная цель – найти Фрейю. Найти ребенка, который, по их мнению, пропал без вести. Найти ребенка, которого уже нет в живых.

Я должна им все рассказать.

Я сделала кое-что ужасное.

Просто скажи это.

Есть кое-что, что я должна вам рассказать.

– Вы хотите выйти через переднюю дверь или через заднюю?

Я слышу слова, когда они срываются с моих губ, но мой голос звучит так, будто не принадлежит мне.

– Подойдет любой вариант, – отвечает женщина-констебль.

– Внимательно смотрите под ноги, – напутствует Дженнинг. Они кивают в ответ на его строгий приказ.

Мое тело машинально двигается через прихожую, чтобы провести констеблей на кухню. Открывая заднюю дверь, я отступаю в сторону, чтобы пропустить их.

Теперь ты никогда не сможешь сказать им правду.

Никто никогда меня не поймет. Возможно, поняли бы, если б я рассказала правду с самого начала. Но никто не поймет этой лжи. Особенно, если полиция начнет копаться в моем прошлом. Они заберут обоих моих малышей.

А я никому не позволю забрать моих детей. Я этого не допущу.

Качаю головой, выныривая из потока мыслей. Дженнинг расхаживает по кухне, двигаясь целенаправленно и осматривая все, от потолка до пола.

Я подхожу к раковине и рывком открываю шкафчик. Просовываю руку за грудку чистящих средств и шарю вокруг, пока пальцы не натыкаются на полупустую упаковку парацетамола. Открыв кран, жду несколько секунд, позволяя струе воды остыть, затем набираю воду в сложенную чашечкой ладонь и запиваю две таблетки. Начинаясь мигрень тупой болью пульсирует в районе лба, и она будет быстро усиливаться, пока мне не останется ничего, кроме как лежать в спальне с закрытыми шторами и маской для сна на глазах. Побочный эффект снотворного. Я закрываю глаза и прислоняюсь лбом к шкафчику рядом с раковиной.

Зачем ты это делаешь, дорогая?

Я вздрагиваю при звуке маминого голоса. Поднимаю голову, но рядом никого нет.

Ее голос казался таким реальным, но она уже давно умерла.

Время от времени мне чудится, будто я слышу ее голос, словно она все еще здесь, заправляет мои длинные волосы за ухо и говорит мне, что все будет хорошо. «Скажи мне, что не так, – обычно говорила она. Мама всегда знала, если что-то случалось, даже когда я пыталась это скрыть. – Ты можешь рассказать мне все, что угодно, милая».

Что угодно...

Если б она все еще была жива, смогла бы я рассказать ей все? Если б она все еще была жива, дошла бы я до такого?

Нет... никогда. Я стала бы гораздо лучшей матерью, если б она все еще была рядом. Она была идеальной, у нее все получалось само собой. Она бы знала, что делать.

Пожалуйста, мама. Скажи мне, что делать.

Дженнинг шумно втягивает воздух носом. Я оглядываюсь и вижу, что он стоит по другую сторону кухонного островка, недалеко от того места, где большая оранжевая печь излучает тепло. Рисунок Фрейи горделиво прикреплен магнитом к вытяжке над печью. Наша неидеальная семья из корявых фигурок.

Моя голова пульсирует болью.

– Извините, у меня начинается мигрень.

– Все в порядке. Пожалуйста, не извиняйтесь, мисс Уильямс. Я понимаю, что вам трудно. Делайте все, что вам нужно. Это ваш дом.

Он отводит взгляд от моего лица.

– Что там произошло? – спрашивает он, указывая вниз, справа от меня.

Вот дерьмо. Я совсем забыла про шкафчик.

Не более получаса назад я со всей силы своего горя пнула шкафчик под раковиной. Но открывая его, чтобы достать парацетамол, я не обратила внимания на то, что дверца задела, дерево грубо скребло по дереву. Раньше дверца открывалась плавно, пока я не вышибла из нее дух.

– Простите. – Опять это слово. – Когда я не смогла ее найти... я вышла из себя.

– Что случилось со шкафчиком?

– Я пнула его. Несколько раз. Я просто не могу понять, что произошло. Как я ее потеряла? – Мои губы дрожат, а руки взлетают к лицу, прикрывая глаза. – Я так расстроилась, что пнула его.

Дженнинг подходит ко мне и осторожно кладет руку мне на плечо. От него пахнет сигаретами, застоявшимся дымом. Дурная привычка. Но они есть у всех.

– Мне так жаль, что это происходит с вами, мисс Уильямс, но мы сделаем все, что в наших силах, чтобы найти вашу дочь. Хорошо?

Я убираю руку от глаз и подношу ее близко к губам, ощущая свое прерывистое дыхание, жаром опаляющее ладонь.

– Хорошо, – эхом повторяю я.

Нас прерывает громкий стук в дверь.

Мое сердце подпрыгивает. Фрейя. Наверное, кто-то нашел Фрейю. Она бродила по полям соседней фермы или играла на тропинке, по очереди засовывая то в карман, то в рот ягоды ежевики, растущей в зарослях на обочине узкой колеи...

Я медлю. Всего на мгновение мое тело повиновалось инстинкту – обманутое моими собственными историями – и поверило.

Но все равно я отчаянно пробегаю остаток пути к входной двери. Полиция уже здесь. За мной наблюдают. Если б она действительно пропала, я бы сломя голову неслась к двери.

На пороге стоит Эйден с налитыми кровью глазами. На нем выцветшие серые брюки от спортивного костюма, в которых он обычно ходит по дому или занимается ремонтом. И только фланелевая рубашка, без пиджака, пуговицы на ней застегнуты неправильно, должно быть, Эйден натянул ее в спешке, так что весь воротник перекошило. Эйден облачен в панику последнего часа, как в тяжелое пальто, и его плечи ссутулились.

Размытый утренний пейзаж резко возвращается в фокус. Это не дурной сон. Это вообще не сон.

7

– Она здесь? – хрипло спрашивает он. Голос Эйдена обычно гремит в любом пространстве, но сейчас он звучит слабо. Устало.

Встретившись с Эйдемом взглядом, я, не в силах что-то ответить, качаю головой.

Опустив голову, он начинает плакать. Я ожидала криков, выплеска ярости, но их нет. Это гораздо хуже.

– Я думал... я думал, что ты, возможно, уже нашла ее.

Я гляжу себе под ноги на цементный раствор между камнями, не желая смотреть Эйдену в глаза. Он еще не сердится, но это может быть лишь вопрос времени, буквально нескольких мгновений. Именно сиюминутный ужас не дает его гневу вырываться наружу и сбить меня с ног. Эйден напомнит, что не хотел оставлять Фрейю здесь. Я убедила его позволить мне присмотреть за дочерью. Он знал, что мне все еще нельзя доверять.

– Что случилось, Наоми? Как это произошло?

– Я...

– Мистер Уильямс? – возник рядом со мной Дженнинг.

– Да?

Дженнинг отступает в дом, подальше от двери, жестом приглашая Эйдена войти. Я тоже отступаю назад, не отрывая взгляда от затирки швов между камнями, как будто эти изогнутые линии раскроют все секреты мира, если только я достаточно сосредоточусь. Эйден переступает порог, его взгляд беспокойно мечется по сторонам. Мой бывший муж закрывает за собой дверь, и она сердито хлопает, оглушив нас.

Дом знает, что я натворила.

Мы трое стоим в тишине, ожидая, когда кто-нибудь заговорит.

– Итак, мистер Уильямс...

– Зовите меня Эйден, детектив.

– Эйден. Я детектив-сержант Дженнинг. Я возглавляю поиски вашей дочери.

Эйден прикрывает глаза рукой, и его новенькое блестящее обручальное кольцо сверкает на солнце. Он что-то шепчет, хотя я не могу разобрать слов.

– Простите? – Дженнинг наклоняет голову. – Эйден, вы что-то сказали?

Эйден пытается прочистить горло гортанным кашлем, но у него все равно с трудом получается выталкивать слова изо рта – его душит печаль.

– Я сказал, что не могу поверить, что это происходит. – Он опускает руку, открывая темные ресницы, слипшиеся от слез. – Я готов на все, чтобы вернуть ее. Пожалуйста, – хрипит он. – Пожалуйста.

Пальцы моей опущенной вдоль тела руки сгибаются и задевают ногу. Мне хочется потянуться и взять Эйдена за руку. Я хочу утешить его – притянуть к себе и рыдать в его объятиях. Но я не могу. Он не мой муж, и я больше не его жена. Теперь у него есть другая. Новенькая блестящая женщина, которая предложит ему утешение. У этой жены нет моих недостатков, которые так часто расстраивали Эйдена, – как смазанные пятна на стеклянном столе, которые никогда не получается полностью вытереть.

– Мисс Уильямс?

Дженнинг снова наблюдает за мной. Постоянно наблюдает. Он обратился ко мне? Задал вопрос? Похоже, что так, потому что Эйден тоже смотрит на меня, склонив голову набок.

– Простите, – шепчу я. – Я прослушала, что вы сказали.

– Я говорил Эйдену, что вы оба можете побыть в одной из комнат, пока мы обыскиваем дом.

Мое сердце глухо колотится. Тук, тук, тук. Почти синхронно с качающимся маятником высоких напольных часов, неторопливо отмеряющим время. Тик, тик, тик. Кажется, будто тиканье замедляется и становится громче, каждое колебание маятника занимает уже не секунды, а минуты и часы, и вот Эйден и Дженнинг уже превращаются в застывшие образы, раскачивающиеся взад и вперед, – моя жизнь остановилась. Может, если время замедлится еще больше, оно начнет поворачиваться вспять: обратно через ужас этого утра, падение Фрейи, через темноту ночи, когда мать и дочь крепко спали, и все вернется к прошлому вечеру, к той секунде, когда таблетки оказались у меня в руке.

Обещаю, что больше никогда не приму ни одной таблетки. Просто верните ее мне. Пожалуйста. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.

– Мисс Уильямс? – Дженнинг хватается меня за плечо, возвращая в настоящее. Время возобновило свой обычный темп.

– Извините... Сколько времени займет поиск? В доме?

– Не думаю, что он продлится слишком долго.

Я машинально киваю. Эйден вдыхает – вдох настолько глубокий, что его слышно, – и сжимает губы, прежде чем выдохнуть. Он хочет что-то спросить. Я всегда это по нему вижу. Как будто он обдумывает вопрос и возможный ответ еще до того, как его озвучит. Просчитывает варианты.

– Моя жена ждет в машине, – наконец произносит он. – Ничего, если она войдет?

Его жена.

Он привез ее сюда. В наш дом. Мой дом.

Дженнинг чешет подбородок и стреляет глазами в мою сторону.

– Да, с нашей стороны нет никаких возражений. Мисс Уильямс?

Эйден сделал это нарочно. Он в присутствии Дженнинга спросил, может ли она зайти внутрь, чтобы я не поднимала шума. Не отказалась впустить ее. А если б я это сделала, – если б я бросилась на пол, как ребенок, и закричала, что ей здесь не рады, – стал бы кто-нибудь винить меня? Отреагировал бы Дженнинг вообще?

– Конечно, – отвечаю я ровным голосом. – Не может же она просто сидеть в машине.

Воздух между нами пропитан неловкостью. Я это чувствую. Как и они. Дженнинг снова чешет подбородок.

– Руперт тоже скоро придет. Ничего? – прерываю я молчание, и мой взгляд, как лазер, устремлен на Эйдена в ожидании реакции. Хоть какой-нибудь.

– Кто такой Руперт?

– Он...

– Руперт – ее парень, – перебивает Эйден.

Вот оно.

– Это не проблема, – говорит Дженнинг.

Эйден смотрит в потолок, и его глаза кажутся прозрачными на свету. Он вытирает их тыльной стороной ладони и опускает взгляд на меня. Сердитый красный ободок окружает каждую зеленую радужку.

– Мне нужно еще кое-что сделать напоследок, – сообщает Дженнинг, нарушив напряженное молчание, которое выстраивается вокруг нас как стена. – Эйден, снаружи два констебля охраняют территорию, а старший детектив-инспектор, который будет старшим следователем по этому делу, находится в участке и инструктирует команду. Ясно?

Эйден кивает.

– Нам понадобится фотография Фрейи. И подробное описание того, во что она была одета, – продолжает Дженнинг, скривив губы в извиняющейся гримасе.

Его просьба – удар в грудь, и он пронзает мои легкие, не позволяя дышать. Независимо от того, кто увидит фотографию Фрейи или узнает, во что она была одета, они не смогут спасти ее. Это ничем им не поможет. Из-за того, что я натворила.

Эйден похлопывает себя по карманам.

– Черт, я оставил свой телефон в машине... сбегаю и принесу его.

– Не волнуйся, – говорю я. – У меня есть ее фотография.

Я подхожу к консольному столику, где перед зеркалом расставлено несколько серебряных рамок. Раньше вся эта комната была заполнена сотнями фотографий. Со стен, занимая все свободное пространство, сияли счастливые, улыбающиеся лица: мои родители, я с друзьями, Эйден. Снимки довольной, радостной семьи, в которой все любят друг друга. Семьи, которая никогда не разрушится. Родителей, которые никогда не умрут. Мужа, который никогда не уйдет. Но теперь все это в прошлом. Остались только фотографии Фрейи.

Я беру один снимок и ошеломленно смотрю на него. Вот она, улыбается мне из-за стекла, когда бежит к камере по высокой траве фруктового сада, а на заднем плане поблескивает изгиб реки. Волосы Фрейи выбились из-под шапочки с помпоном и развеваются по плечам, глаза широко раскрыты и светятся счастьем. В руках – любимый Мышонок. Я сделала это фото всего несколько недель назад. Был такой прекрасный октябрьский день, и мы играли в прятки на улице, закутанные в пальто, шапки и перчатки. Мы запыхались, и наши тела сотрясались от смеха.

И посмотрите, что стало со мной теперь: снова играю в прятки.

Я открываю заднюю часть рамки, вытаскиваю фотографию и возвращаюсь к Дженнингу, держа ее перед собой. Снимок дрожит в моей трясущейся руке.

– Это самая свежая фотография, которая у меня есть. Она сделана пару недель назад.

– Спасибо. – Он смотрит на снимок, и улыбка освещает его глаза. – Она красавица.

Эйден переводит взгляд на фотографию, уголки его рта опущены, глаза широко раскрыты.

– Где Мышонок? – шепчет он едва слышно.

– Я...

– Ей нужна ее игрушка, – торопливо продолжает Эйден. – Принеси Мышонка, Наоми. Мне нужна эта игрушка... она нужна ей...

– Она взяла его с собой на улицу.

Объяснение мягко слетает с моих губ. Эйден прикрывает ладонью рот, его учащенное дыхание вырывается сквозь пальцы.

– Она взяла его с собой?

– Да. – Я поворачиваюсь к Дженнингу. – Простите, я забыла вам сказать.

Дженнинг некоторое время молчит.

– Все в порядке. Игрушку не очень хорошо видно на фотографии. Как она выглядела?

– Он среднего размера. Серая ткань. Он очень мягкий, у него длинный светло-серый хвост и черные глаза. Она повсюду брала его с собой.

Повсюду.

– И она взяла его с собой на улицу?

– Да. Она взяла его поиграть на улицу.

– И вы нигде не видели игрушку, когда искали?

Я качаю головой.

– Ясно... – Он достает свой блокнот и пишет, а затем ставит точку сильным ударом ручки в бумагу. – А во что была одета Фрейя?

– На ней была пижама. Красная. Со светящимися единорогами. Она любила их.

Я сказала «любила» вместо «любит». Заметили ли они? Услышали ли они, как мое под-
сознание переключилось на прошедшее время? Но нет – Дженнинг снова записывает подроб-
ности в блокнот, а Эйден смотрит в пол остекленевшими глазами.

– А ее пальто?

Мой взгляд устремляется в коридор, где в шкафу под лестницей пальто Фрейи висит
именно там, где она его и оставила.

Найдут ли они его? Поймут ли все?

Эйден – да.

– На ней было розовое пальто с отделкой из серого меха, – говорю я. Еще одна ложь.

Эйден поднимает взгляд от пола.

– Она ведь была в кремовом пальто, когда я ее привез?

– Я купила ей новое. Она увидела его и захотела надеть.

Он все понял? Знает ли он, что я лгу?

Эйден отводит от меня взгляд и вновь устремляет его в никуда.

Дженнинг перестает писать и кладет фотографию в пакет для улик, который достал из
своего большого кармана.

– Мне также понадобится какая-нибудь одежда Фрейи, что-то, что было на ней вчера.

– Э-э, ладно. Мне принести ее сейчас? – спрашиваю я.

Он кивает.

– Если не возражаете. Кинологический отряд уже в пути – сначала мы отправляем на
поиски собак, пока множество расхаживающих вокруг полицейских не перебило запахи.

Я поднимаюсь по лестнице, и мой разум начинает лихорадочно соображать. Собаки. Они
привлекают к поискам собак. Приведет ли ее запах прямо к бункеру? Достаточно ли он глубоко
закопан, чтобы они не смогли ее обнаружить? Это дрессированные животные, само существо-
вание которых заключается в том, чтобы отслеживать, находить цель.

Что я наделала?

Мне нужно, чтобы они ушли. Мне нужно, чтобы они убрались из дома, из леса, чтобы
я могла подумать.

Я подхожу к порогу ее комнаты и колеблюсь. В последний раз я видела Фрейю живой
здесь. Я уложила ее в постель и сказала, что люблю ее. А она ответила, что любит меня.

Вхожу в комнату и жду. Жду, когда что-нибудь накроет меня – ощущение, что она все
еще здесь. Хоть какое-то. Но никаких ощущений нет. Ни капли ее не осталось в этой комнате.
Никакого присутствия ее энергии. Ее больше нет.

Опускаю руку в корзину для белья и достаю кофточку, которая была на Фрейе перед тем,
как я передела ее в пижаму. Я подношу ткань к лицу и делаю вдох. Свежий, чистый аромат.
Точно так же Фрейя пахла, когда была младенцем. Если б я закрыла глаза, то увидела бы ее
прямо перед собой. У меня кружится голова. Я никогда больше не смогу ощутить от нее этот
запах. Я никогда не смогу притянуть ее к себе и зарыться носом в ее волосы, крепко обнять
ее, чтобы ее маленькие ручки обхватили меня в ответ.

Вдыхаю аромат в последний раз, затем бросаю кофточку обратно в корзину. Подойдя к
гардеробу, я оглядываюсь через плечо на дверь, а затем вытаскиваю одну из свежестиранных
кофточек, сложенных аккуратной стопкой. Я сминаю ее в руках и выворачиваю наизнанку.

Направляюсь к двери, но моя нога цепляется за что-то на полу. Инстинктивно вскинув
руку, чтобы не упасть, я хватаюсь за край кровати Фрейи и морщусь, когда локоть ударяется
о кованую железную перекладину. Опускаю взгляд и хмуро смотрю на предмет, о который
споткнулась.

Рюкзак Фрейи.

Медленно поднимаю его и провожу пальцем по мягкому материалу, прежде чем положить на кровать. Мое зрение затуманивается. Я качаю головой и отворачиваюсь, а затем широкими шагами покидаю комнату.

Дженнинг в одиночестве ждет меня в коридоре. Эйден, должно быть, пошел за *ней*. Отвращение и облегчение скручиваются у меня в животе – Эйден пошел к своей жене, но, по крайней мере, его здесь нет, иначе он мог бы спросить, почему я принесла другую кофточку, а не ту, которая вчера была надета на Фрейе, когда он ее сюда привез.

– Вот, держите.

– Спасибо. – Руками, уже затянутыми в перчатки, Дженнинг забирает у меня кофточку и засовывает ее в другой прозрачный пакет. Достает черный маркер и подписывает сверток. Помечает одежду как улику. Хотя на самом деле это никакая не улика – разве что свидетельство очередной лжи.

– Когда приедет Руперт, мы все можем собраться в маленькой комнате, чтобы не путаться у вас под ногами. Он уже скоро должен приехать. Так будет нормально?

– Оставайтесь там, где вам будет удобнее всего. Я пока поговорю с двумя констеблями. Команда скоро прибудет. Затем, пожалуйста, не стесняйтесь обращаться ко мне, если у вас возникнут какие-либо вопросы. Какие угодно.

– Обязательно. Благодарю вас.

Он в несколько широких шагов преодолевает расстояние до входной двери. Я вижу двух констеблей через окно, и они смотрят на Дженнинга, пока он приближается к ним. Но остановившись, он оглядывается через плечо на дом.

Я поворачиваюсь и иду в туалет, хотя мне хочется убежать и спрятаться. Закрываю дверь и прижимаюсь к ней спиной.

Что-то здесь не так. Что-то в ее комнате было не так. Там что-то было, витало в воздухе. Что-то зловещее. Как то чувство, которое возникает в месте, где случилось нечто плохое.

Мог ли кто-нибудь ее забрать? Так спросил меня Дженнинг. Потому что он так воспринял ситуацию. Похищенный ребенок. Но если б он знал правду, какие вопросы он задал бы тогда? Неужели полиция просто предположила бы, что она упала? Или они стали бы копать глубже?

Ноги подгибаются, как бумага, смятая невидимой рукой, и я оседаю, уткнувшись головой в колени и обхватив их руками. Удары сердца отдаются гулом в ушах. Так громко, будто волна за волной разбиваются над головой, – и мое горло сжимается с каждым ударом.

Пытаюсь вдохнуть, но кислород застревает в груди, не достигая легких. Я снова выдыхаю, но ничего не происходит. Никакого облегчения безжалостного давления, нарастающего в моей груди.

Я не могу дышать.

Откидываю голову назад и оттягиваю воротник пижамы от горла. Втягиваю воздух сквозь сжатые губы, заставляя себя не думать ни о чем другом, ни о чем, кроме дыхания, проходящего через рот в легкие.

Ни о полиции.

Дыши.

Ни о собаках.

Дыши.

Ни об Эйдене.

Дыши.

Но Фрейя...

Гортанный крик вырывается из груди, и давление ослабевает, будто воздух устремился в вакуум. Я подношу руки ко рту, который широко открыт, – он больше не издает звуков после этого звериного крика, просто неподвижно застыл. Мои губы распахнуты в беззвучном крике.

Я сижу так несколько минут, дожидаясь, пока дрожь и слезы утихнут, и до меня доносятся голоса из прихожей.

Хватаюсь за край умывальника и заставляю себя встать. Мое отражение смотрит на меня из зеркала, криво подвешенного над раковиной. Глаза опухшие и красные, кожа пошла пятнами и покрыта мокрыми дорожками слез.

Я не могу выйти к ним в таком виде.

Но, конечно, могу. В отражении зеркала я вижу скорбящую мать.

Это не ложь.

Я отпираю дверь, на нетвердых ногах выхожу в коридор и, несмотря на то, что затылок взмок от пота, заворачиваюсь в свой просторный кардиган, так что он плотно облегает тело. Но когда я поднимаю глаза от пола, то мельком ловлю на себе чей-то ледяной взгляд – словно кто-то впустил метель в дом.

Эйден стоит у подножия лестницы практически на том самом месте, где я нашла Фрейю. Но он стоит ко мне спиной, крепко обнимая *ее* за талию, склонив голову к *ее* шее, как всегда делал, когда обнимал меня, и это *ее* голубые глаза пронзают меня холодом поверх его плеча.

Жена Эйдена – Хелен Уильямс.

Хотя в те времена, когда она была моей лучшей подругой, ее звали Хелен Стил.

8

Четырьмя годами ранее...

Март

Хелен подняла бокал с шампанским. Она уже успела выпить полбутылки вина, пока мы пробовали закуски, и теперь ее глаза слегка блестели.

– Я хочу произнести тост, – сообщила она, улыбаясь от уха до уха. Хелен редко дарила кому-либо такую улыбку, потому что это подчеркивало тонкие морщинки вокруг ее глаз. Она ненавидела их. На мой взгляд, они лишь придавали ей очарования.

Именно Хелен организовала этот ужин в честь грядущего появления первого ребенка в нашей компании. Она украсила стол воздушными шариками с надписью «Поздравляем» и разбросала конфетти, на уборку которого обычно уходит целая вечность. Она позаботилась о том, чтобы все пришли в ресторан пораньше и устроили мне сюрприз – нам так редко удавалось собраться вместе, и наполнила огромную корзину великолепными подарками: детской одеждой и пеленками, а также сделанными на заказ рисунками для детской, хотя ребенок должен был появиться только через несколько месяцев. Все было идеально.

– Наоми, мы все собрались здесь, потому что любим тебя и с большим удовольствием хотим отпраздновать грядущее появление первого ребенка в нашей компании. И даже если ты будешь пропадать в своем гнездышке с Эйденем еще больше, чем сейчас, мы...

– Не говори глупостей, нигде я не пропадаю! – возразила я, оглядывая через стол своих подруг, которые тесно склонились друг к другу и громко хихикали.

– Еще как пропадаешь! – воскликнула Джемма, уцепив меня за руку и толкнув мой стакан, наполненный колой. Я решила, что немного кофеина не навредит ребенку. – Мы вряд ли когда-нибудь сможем собраться снова – все мы вместе.

– Да, – крикнула София с противоположной стороны стола. – Мы знаем, что Эйден сексуальный и все такое...

– София! – возмутилась Люси.

– Что? Он...

– Но необязательно об этом говорить...

– Шутки в сторону, я вообще-то хочу произнести тост, – перебила Хелен. – За нашу Наоми, которая будет лучшей мамой на свете!

– За нашу Наоми!

Мы шестером одновременно подняли бокалы, и их звон заставил мое сердце вспарить. Подруги так радовались за меня, были так взволнованы. Мы выросли вместе. Вместе мы обсуждали первых парней, первые месячные, первые разбитые сердца. Теперь трое из нас уже вышли замуж. И ожидался ребенок. Подруги всегда предполагали, что я первой из нас стану матерью. В нашей компании я вела себя как мамочка. Постоянно заботилась о других. Всей душой любила детишек. Мне всегда хотелось стать матерью.

Хелен сидела рядом со мной, ее рука покоилась на моей, и на контрасте моя кожа казалась еще бледнее.

– Подправила свой загар в Саудовской Аравии?

– Ты знаешь, как это бывает. – Она ухмыльнулась.

– Нет, вообще-то, не знаю. В школе негде загорать.

– Ну, должны же быть какие-то плюсы в том, что постоянно путешествуешь туда и обратно.

– О, тебе это нравится, – засмеялась я. – В любом случае... Большое тебе спасибо за праздник. Ты все сделала идеально, Хелли.

– Большое тебе пожалуйста, – прошептала она. Ее щеки покраснелись от алкоголя. – Я помню, ты говорила, что ничего не хочешь, но я просто хотела устроить для тебя какой-нибудь запоминающийся праздник.

– Я знаю, и мне все нравится. Правда.

– Хорошо. – Хелен улыбнулась, убирая волосы, прилипшие к блеску для губ, затем сделала еще глоток вина. Поставив бокал, она ухмыльнулась. – Возможно, как только ты родишь ребенка, мы устроим еще одну вечеринку в честь того, что ты больше не толстая.

– Хелен! – воскликнула я, и мои глаза защипало.

– О боже мой, прости! – Она протянула руку поверх спинки моего стула, чтобы заключить меня в объятия. – Я не хотела тебя обидеть. Это просто шутка.

– Я не толстая, я беременная.

– Знаю, милая. А ты даже не набрала много лишнего веса. Ты прекрасно выглядишь. Прости, ты же знаешь, что я люблю тебя.

– Но иногда ты бываешь такой жестокой.

– Я знаю.

– Нельзя говорить такое беременной женщине.

– Обещаю, что не буду. Никогда больше. – Она положила руку на грудь и надула губы, и я не смогла удержаться от смеха. Хелен была несносной девчонкой, но и моей лучшей подругой.

Принесли горячее, и я вдохнула запах жареной картошки, когда передо мной поставили тарелку.

– Как ты себя чувствуешь, Наоми? – спросила Марго, нарезая мясо и отправляя в рот кусок стейка. Она в блаженстве закрыла глаза. – М-м-м, это так вкусно!

Я подавила рвотный позыв. Беременность вынудила меня отказаться от мяса – даже от запаха меня тошнило.

– Отлично. Чувствую себя великолепно. Меня тошнило, но это наконец-то постепенно проходит.

– Не могу придумать ничего хуже. Это как иметь паразита внутри...

– София! – перебила Марго. София всегда предельно ясно излагала свои взгляды на рождение детей. Мы с ней были полными противоположностями.

– Что? – Она хихикнула. – Это не значит, что я не на седьмом небе от счастья из-за Наоми. Ты ведь знаешь это, верно?

Ее лицо вытянулось, в глазах промелькнуло беспокойство.

– Да, знаю. И не обижаюсь. – Я улыбнулась ей в ответ.

– Что ж, хорошо, что ты больше не чувствуешь себя плохо, – сказала Марго. – Но я имела в виду... как ты относишься к тому, что станешь мамой?

Все отвели взгляды от еды, вина, других девушек и сфокусировались на мне с точностью лазерного прицела.

Я по очереди посмотрела в глаза каждой собеседнице. Мои подруги. Мои самые доверенные наперсницы.

– Я очень взволнованна. Я всегда хотела именно этого. Но...

– Но что? – Сидевшая справа от меня Люси наклонилась, и рыжие волосы упали ей на глаза, когда она потянулась через Джемму, чтобы сжать мою руку. Еще один заботливый человек в нашей компании.

– Я просто немного... тревожусь. Напугана. Я не понимаю, что делаю. И без мамы я просто...

– Сколько времени с тех пор уже прошло? – спросила София.

Я попыталась сглотнуть, но во рту было слишком сухо.

– Уже... – Я замолчала, не в силах назвать количество лет вслух.

– Десять лет. Нам всем было по восемнадцать, помните? – ответила Хелен за меня. Отчасти я была ей благодарна, но вместе с тем испытывала раздражение, обиду из-за того, что она ответила на вопрос от моего имени. Это было мое десятилетие потерь. Моя мама.

– Что, если... – проговорила я, – что, если я не справлюсь?

На меня обрушился шквал возражений. Подруги перекрикивали друг друга, уверяя, что у меня все получится.

– Не говори глупостей!

– У тебя есть мы – мы тебе поможем!

– Мы знаем, что без мамы тебе будет тяжело, но ты станешь потрясающей...

Хелен снова обняла меня за плечи и погладила большим пальцем по руке.

– Тебе нечего бояться, – сказала она. – У тебя все получится само собой.

– Правда?

– Я никогда ни в чем в своей жизни не была так уверена. – Она оглянулась на остальных. – Когда мы были маленькими, Наоми повсюду таскала с собой куклу в игрушечной коляске, даже в лесу. Это сводило меня с ума, но она настаивала, что не может оставить своего ребенка одного. – Она обхватила мой подбородок руками. – Ты рождена, чтобы быть мамой.

Я улыбнулась ей. Она права, конечно, права. Именно для этого я и рождена.

– Как твой папа? Он все еще очень взволнован? – спросила Марго.

– О, да. Не может дождаться рождения малыша. Накупил кучу одежды и игрушек – и на седьмом небе от счастья.

– Он будет отличным дедушкой, – заверила Хелен.

– Это точно.

– И ты будешь отличной мамой, – добавила Люси.

Я кивнула.

– Давай, повторяй за мной: я буду отличной мамой! – скомандовала она.

Я прочистила горло.

– Я буду отличной мамой.

Они все зааплодировали, подняли бокалы и снова провозгласили за меня тост.

Наблюдая за подругами, я повторяла эти слова в уме, и с каждым повторением мои тревоги становились меньше и меньше до тех пор, пока я совсем не перестала их ощущать.

Со мной все будет в порядке. У меня все получится само собой. У меня есть подруги. У меня есть папа. У меня есть Эйден.

И скоро у меня появится ребенок.

9

– Наоми, – говорит Хелен, высвобождаясь из объятий Эйдена. – Мне так жаль.

Она обращается ко мне со всей фамильярностью давней дружбы, с особой интонацией, родившейся из многократных повторений моего имени за столько лет. Если я напрягу память, то все еще могу услышать, как она звала меня в детстве, высоко и пронзительно, всегда делая ударение на последнем слоге. Мое имя, произнесенное ею, эхом разносилось по лесу, когда мы играли в прятки. Оно звучало в тишине ночи, когда мы делили постель. Она была *моей* Хелен. Моей лучшей подругой.

До тех пор, пока не перестала ею быть.

Она идет ко мне, и я подавляю желание попятиться. Я не должна отступать. Это мой дом. Нельзя сжиматься еще больше и уступать ей очередной кусочек моей жизни. Я расправляю поникшие плечи. Вздергиваю подбородок.

Ее глаза покраснели, а под густыми нижними ресницами виднеется черное пятно туши.

Я киваю ей в ответ. Что я могу сказать? Какие слова тут подберешь? Я не знаю, что говорить или как преодолеть пропасть, которая, кажется, увеличивает небольшое расстояние между нами. Я бросаю взгляд в сторону Эйдена, но он держится подальше, по-видимому, не желая мешать нашему разговору.

Скажи что-нибудь, Наоми.

– Я знаю. Мне тоже жаль, – бормочу я едва слышно, но она делает крохотный шаг ко мне, сокращая расстояние между нами. Ее глаза увлажнились, и она поднимает руки, чтобы прикрыть их, громко шмыгает носом, а затем смахивает слезы кончиком пальца с безупречным маникюром.

– Я понимаю, что между нами не все гладко... И знаю, что я последний человек, к которому ты захочешь обратиться за помощью, но... – Ее голос срывается от эмоций, когда по загорелым щекам текут новые слезы. – ...Если тебе что-нибудь понадобится, – продолжает она, – я рядом. Мне так жаль.

Она поднимает руки, как делала раньше, слегка отведя их от тела и чуть-чуть подав вперед: ее приглашение обняться.

Эйден подходит к Хелен и кладет руку ей на плечо. Она инстинктивно сжимает его ладонь, их пальцы переплетаются.

Хотела бы я быть более великодушной – более правильной – и принять ее помощь. Шагнуть в ее объятия. Ответить ей, что я тоже готова ее поддержать, что я знаю, как она любит Фрейю, и мы все пройдем через это вместе... но я не могу. Она мне больше не друг.

– Пожалуй, я лучше подожду снаружи, – говорю я. – Хочу убедиться, что Руперта пропустят через оцепление.

Ее рот слегка приоткрывается, когда она отходит в сторону. Я прохожу мимо них, но, распахивая входную дверь, слышу, как Эйден шепотом обращается к ней.

– Выйду на улицу посмотреть, что они делают, – сообщает он. – Побудь здесь. Там холодно.

Я выхожу из дома на подъездную дорожку и пытаюсь сосредоточиться на звуке хрустящего под ногами покрытого инеем гравия. Но слышу лишь шаги Эйдена за своей спиной.

Почему он захотел выйти следом за мной? Чувствую, как его пристальный взгляд буравит затылок, и мои щеки горят на холодном зимнем воздухе. Не хочу разговаривать с ним или замечать его присутствие – просто не могу, – поэтому запрокидываю голову и смотрю на небо. Оно затянуто облаками, плотными и низко нависшими над землей. Что-то мокрое и холодное падает мне на лицо, и я протягиваю руку.

Снег. Пошел снег.

Я дрожу и обхватываю себя руками, пряча ладони под кардиган. Поворачиваюсь обратно к дому. Пожалуй, я бы вернулась внутрь... Но *она* там, ее лицо виднеется в маленьком круглом окне.

Лучше буду терпеть холод.

Руперт должен появиться с минуты на минуту. Следует ли мне позвонить кому-нибудь еще?

Нет... У меня никого больше нет. Произошла худшая вещь, которая когда-либо случалась со мной, – худшая вещь, которая когда-либо могла случиться с кем-либо, – а на свете есть только один человек, к которому я могу обратиться.

Что это говорит обо мне?

Два констебля, прибывшие с Дженнингом, – я уже не помню их имен, – притворяются невидимками. Как будто мне совсем не бросается в глаза, что в доме есть незнакомцы, как будто я не чувствую их присутствия нутром. Они начали поиски наверху. Не знаю, что они ищут, но представляю, как они перебирают мои вещи. Что, если они найдут мои таблетки?

Желудок сжимается. Что, если они найдут мой дневник?

Дыхание учащается, когда я представляю, как чьи-то пальцы листают страницы, читая излитые мной из глубины души слова. Этого нельзя допустить. Я не могу позволить им найти дневник.

Нужно его спрятать.

Я поворачиваюсь обратно к дому, но посередине лестницы, ведущей наверх, стоит Дженнинг и беседует с двумя другими полицейскими.

Пусть ли они меня туда? Спросят ли, что мне нужно?

Нет, это слишком рискованно.

Я разворачиваюсь и опять смотрю на подъездную дорожку. Подняв лицо навстречу падающему снегу, слышу хруст шагов, и в поле бокового зрения появляется Эйден. Остановившись рядом со мной, он вздыхает, и его дыхание вырывается наружу облаком огорчения.

– Ты останешься здесь? В Ройстоне? – Неужели я это сказала?

Слова вырвались у меня сами собой, так же бессознательно, как дыхание, исходящее из рта подобно туману. Я поворачиваюсь к Эйдену, скрестив руки на груди, – защитный барьер.

– Да.

– Где именно?

– В «Гербе королевы».

Я вздрагиваю, и Эйден встречается со мной взглядом. Его и без того розовые щеки вспыхивают.

– Прости, я не хотел...

– Все в порядке, – бормочу я.

«Герб королевы» – это паб в деревне, расположенной примерно в миле от моего дома, в котором есть несколько гостевых комнат на втором этаже. Именно там мы останавливались в тот вечер, когда Эйден познакомился с моим папой. Именно там он впервые прошептал, что любит меня. Именно там он сделал мне предложение. И именно там все между нами рухнуло.

Я согреваю дыханием руки – они такие холодные. Искося поглядываю на Эйдена. В те времена, когда мы были вместе, он сжимал мои руки в своих и растирал их, если я мерзла. Закрыв глаза, я могу ощутить, как его ладони держат мои, а его тепло служит идеальным спасением от обжигающего холода. Эйден всегда хотел меня оберегать.

И пытался это сделать.

Серебристый внедорожник сворачивает на подъездную дорожку, медленно объезжает три конуса, которые один из полицейских установил в попытке преградить путь, и направляется к дому.

Руперт.

Мы познакомились в прошлом году. В тот вечер, когда Эйден рассказал мне о своих отношениях с Хелен. Эйден встретился со мной в пабе в Монтеме, после его ухода я села за столик в одиночестве и медленно выпила бутылку вина. Руперт подошел и спросил, может ли он присоединиться ко мне. Первое, что мне в нем понравилось, – его голос. Он звучал мягко. Нежно. Так неожиданно для небритого гиганта с широкими плечами. И это так отличалось от властного тона Эйдена. От его самоуверенности. От голоса, который заглушал всех остальных.

Я не искала никого, – и ничего, кроме одиночества, – но Руперт ворвался в мою жизнь с присущей ему очаровательной неуклюжестью.

И остался в ней.

Эйден переминается с ноги на ногу рядом со мной, и я застываю на месте, окаменев. Я совсем не собиралась их знакомить. В этом не было необходимости, по крайней мере, до тех пор, пока Руперт не познакомится с Фрейей.

В животе все переворачивается. Руперт так и не познакомился с Фрейей. Он хотел приехать прошлым вечером. Если б я согласилась вместо того, чтобы так резко отказать ему, была бы Фрейя сейчас жива?

Руперт выпрыгивает из машины, и его медвежье тело тяжело приземляется на дорожку. Он быстро идет ко мне, почти бежит, и на ходу раскрывает объятия. Эйден покашливает.

Подбежав, Руперт притягивает меня к себе и обнимает за шею, но мои руки безжизненно висят вдоль тела.

– Мне так жаль, – шепчет он, зарываясь лицом в мои волосы. – Мне очень, очень жаль. – Он берет меня за плечи и отстраняется, чтобы посмотреть мне в глаза. – Но они найдут ее, ясно? Полиция обязательно найдет ее.

Я киваю, но к тому времени, как его руки снова обнимают меня, мое внимание уже переключается на кое-что другое. Поверх плеча Руперта я вижу, как череда полицейских машин в желто-синюю полосу подползает к ферме. Их двигатели рычат.

Они здесь. И в мгновение ока они начнут методично прочесывать мой дом в поисках любой зацепки относительно того, что случилось с Фрейей. Будут обыскивать все – дом, сад, огород и леса – в попытке вернуть ее домой.

Руперт прав. Они найдут ее. И что тогда?

Начинаю рыдать в плечо Руперта, и он прижимает меня крепче, когда я обхватываю его руками. Твердит мне, что все будет хорошо. Снова и снова. Все будет хорошо. Все будет хорошо. Все будет хорошо. И каждый раз, когда Руперт говорит это, я плачу сильнее, а он обнимает меня крепче и повторяет это снова.

Тяжело дыша, я высвобождаюсь из его объятий.

– Давай зайдем внутрь, – предлагает Руперт и целует меня в лоб.

Но затем он переводит взгляд на Эйдена и делает шаг к нему. Уверенный, но осторожный. Всегда вежливый. Всегда деликатный.

– Эйден? Я так сожалею о том, что происходит. И мне так жаль, что нам приходится знакомиться в подобных обстоятельствах. Я Руперт. – И он протягивает руку.

Время, кажется, остановилось, пока Эйден оценивает Руперта, быстро оглядывая его с головы до ног и обратно. Он подается вперед, хватая ладонь Руперта и крепко пожимает ее.

– Руперт. – Эйден кивает ему, всего один раз. Их рукопожатие длится слишком долго, но когда они разрывают его, рука Эйдена сжимается в кулак.

Руперт отступает назад и кладет руку мне на плечо. Внезапное желание стряхнуть ее покалывает мою спину, но я сопротивляюсь и сжимаю ладонью его пальцы. Бедный Руперт. В любой другой ситуации он бы радостно стоял и улыбался от уха до уха, пытаясь любым способом завязать разговор с Эйденем. Я никогда не встречала никого другого, кто чувствовал бы себя так непринужденно в компании незнакомцев и умел бы так расположить их к себе. Как бы отреагировал Эйден, если б они встретились при других обстоятельствах? Но я никогда не

допускала их знакомства. Я маниакально избегала этой ситуации, в последнюю минуту отменяла встречу с общими друзьями, даже говорила Руперту, что его вообще не приглашали. Все, что угодно, лишь бы не допустить, чтобы эти двое встретились лицом к лицу: мужчины моей жизни, кардинально разные полюсы на противоположных концах моего мира.

Я поворачиваю голову в сторону дома и вижу, что Хелен все еще стоит у окна. Она перехватывает мой взгляд и отходит, перекидывая светлые волосы через плечо. Я шаркаю ногой по гравии и смотрю, как разлетаются разноцветные камешки. Одно простое действие вызывает реакцию, которая сдвигает почву подо мной, подобно тому, как камень, брошенный в озеро, пускает рябь по воде. Все дальше и дальше, пока круги не станут такими большими, что исчезнут из поля зрения.

– Давайте зайдем в дом, – предлагает Руперт, и я поднимаю на него взгляд и киваю. Эйден целеустремленно бросается вперед, пока Руперт обнимает меня за плечи. Эйден первым достигает входной двери и собирается толкнуть ее, затем отходит в сторону и опускает глаза. Это больше не его дом.

Я прохожу мимо него и толчком открываю дверь, но тут же отступаю назад, обнаружив, кто скрывается за ней. По прихожей водят двух собак, спаниелей, которые принюхиваются и все громче фыркают носами.

Дрожь пробегает по моей спине от шеи до копчика. Что они ищут? Чему они обучены?

– Наоми, вы бы нам очень помогли, если б сейчас все прошли в маленькую комнату, – говорит Дженнинг, стоящий на нижней ступеньке лестницы.

– Ладно, – бормочу я, не в силах отвести взгляд от собаки, которая стоит ближе к подножию лестницы. У нее пронизательные глаза. И мокрый принюхивающийся нос.

Дженнинг выводит нас из холла и ведет через кухню в маленькую комнату, держась как можно ближе к стене.

– Мы здесь уже все проверили, – сообщает он. – Можете не переживать о том, что как-то нам помешаете.

Мы с Рупертом киваем ему.

– Прошу прощения, я не представился. Детектив-сержант Дженнинг.

– Ничего страшного, сэр. Меня зовут Руперт. Бертон-Уэллс, – покладисто добавляет он свою фамилию. Руперт тоже вырос в семье военных – для него представители органов власти заслуживают уважения. Я знаю, что он не присядет, пока кто-нибудь не предложит ему или пока Дженнинг не выйдет из комнаты. А вот Эйден и Хелен уже сели, примостившись бок о бок на диване у окна, и погрузились в тихую беседу.

– Наоми, прежде чем вас покинуть, я бы хотел задать еще пару вопросов.

– Конечно. – Я оглядываюсь на Руперта. – Можешь присесть, если хочешь.

– Уверена?

Я киваю. Руперт протягивает руку Дженнингу, который рассеянно пожимает ее. Затем он садится на другой диван, тот, что обращен к окну. Оттуда открывается вид на густой лес вдалеке.

– Чем могу помочь?

Дженнинг держит блокнот в правой руке. Ручка зажата между большим и указательным пальцами левой. Левша. Как Эйден.

– Есть ли что-нибудь еще, что вы можете рассказать нам о территории фермы, прежде чем мы начнем поиски снаружи? – спрашивает он. – Мы запросили официальные документы из Земельного кадастра, но пока они не поступят, нам бы очень пригодилась любая информация, которую вы могли бы нам предоставить.

Бункер.

– Э-э... – В голове все путается: слова, мысли и воспоминания сливаются воедино.

– Входы и выходы?

– Кхм, есть выход с воротами, которые ведут на общественную пешеходную дорожку в конце самого дальнего поля. То же самое есть в лесу.

Бункер.

– Что-нибудь еще?

В лесу есть бункер времен Второй мировой войны.

– Здесь довольно много хозяйственных построек. Сарай, конюшни... Я заглянула во все и звала ее по имени. Но не думаю, что Фрейя отправилась бы туда одна.

Дженнинг больше не задает вопросов, поэтому я жду, пока он продолжает быстро писать, практически набрасывая каракули в блокноте.

– Спасибо. Кто-нибудь из констеблей сообщит вам, когда обыск в доме закончится. Вряд ли это займет много времени. Нам просто нужно осмотреться.

– Благодарю вас.

Он выходит из комнаты, прикрывая за собой дверь, но она закрывается не полностью. Лучше всего оставить ее приоткрытой. Возможно, я смогу услышать, как полицейские обыскивают кухню. Если только они уже не сделали этого. Собаки не представляют для меня угрозы, пока не выйдут на улицу – в лес. Запах Фрейи и так повсюду в этом доме.

Но пыливый взгляд криминалиста может что-нибудь обнаружить. Хорошо ли я засыпала бункер? Поймут ли они, что земля была недавно вскопана? Заметят, что листья специально собрали в кучу? Приведут ли их туда собаки?

Вопросы продолжают кружиться у меня в голове, разум превратился в мутный водоворот, и я, пошатываясь, бреду к дивану, пытаюсь сохранить самообладание перед Хелен, но слегка спотыкаюсь о край коврика, который лежит под кофейным столиком.

– Ты в порядке? – спрашивает Руперт, протягивая руку, чтобы поддержать меня.

– Просто споткнулась.

– Ты дрожишь. – Его глаза полны беспокойства.

– Я этого не выдержу, – шепчу я.

– Выдержишь. Я рядом. И они найдут ее.

Сдавленный звук вырывается из моего горла, и я закрываю голову руками.

Время на исходе. Что случилось прошлой ночью? Попытайся что-нибудь вспомнить. Хоть что-нибудь.

Я начинаю вращать на пальце обручальное кольцо. Снова и снова. Снова и снова. Металл переливается на свету.

– Поплачь, это нормально, Наоми, – говорит Хелен. – Если тебе нужно...

– Пожалуйста, Хелен, не сейчас, – огрызаюсь я.

Я поднимаю взгляд от своих рук и смотрю ей прямо в глаза. Она глядит в ответ, и ее губы подергиваются. Она никогда не отличалась выдержкой. Но она молчит и вновь съеживается в объятиях Эйдена.

Я сажусь и откидываю голову на спинку дивана. Громко шмыгнув носом, медленно и с хрипом выдыхаю.

Руперт кладет руку на спинку дивана, но я слегка отодвигаюсь от него. Ничего не могу с собой поделать. Как я могу оставить все как прежде, сидеть с ним в обнимку, когда моей дочери больше нет? Когда мой муж – бывший муж – и его жена сидят напротив, словно пришли на какое-то извращенное послеобеденное чаепитие?

Мы все молчим. Руперт потирает мне спину. Его ладонь твердо надавливает, двигаясь вниз вдоль позвоночника, затем его пальцы обводят маленькие круги на пояснице и начинают обратный путь к моей шее. Он пытается утешить меня. Эйден наклонился вперед и уперся локтями в колени, обхватив голову руками, а Хелен гладит его по затылку.

Руперт ерзает, и я догадываюсь, что он готовится заговорить, чтобы разрядить витающее в воздухе напряжение.

– Мне жаль, что мы познакомились при таких обстоятельствах, – произносит он, подвигаясь вперед на диване, но не снимая руки с моей спины.

– Мне тоже, – отвечает Хелен. Она тербит кончик длинного локона, затем играет с выпавшим волоском, пропуская его между пальцев, прежде чем стряхнуть вниз ногтем. Волосок плавно опускается на пол. Мне хочется поднять его, выбросить в мусорное ведро, – а еще лучше, просто открыть окно и позволить порыву ветра унести его прочь. Я не желаю, чтобы в этом доме оставалось хоть что-то от нее после ее ухода.

Эйден откидывается на спинку дивана, но продолжает смотреть себе под ноги в одну точку.

– Но я рад, что мы все собрались ради Фрейи, даже при таких обстоятельствах некоторые люди не захотели бы этого делать, – продолжает Руперт.

– Да, когда мы в последний раз собирались все вместе? На свадьбе, не так ли? – подхватывает Хелен.

Жар поднимается по моему затылку.

– Хелен... – Эйден наконец отрывает взгляд от пола.

– О, я и не знал, что ты была на свадьбе, Наоми. Это хорошо, – говорит Руперт, но его обеспокоенный взгляд противоречит спокойному, взвешенному тону. Не так уж он и наивен, в конце концов.

– Заглянула совсем ненадолго. Я не осталась там до конца праздника. – Мое поверхностное дыхание трепещет в груди, словно птица в слишком маленькой клетке.

– Да. Совсем ненадолго, – поддакивает Хелен. – Но мы были рады, что Наоми пришла.

Она коротко улыбается Руперту, и тот вежливо улыбается в ответ, затем целует меня в макушку, завершив разговор.

Эйден отворачивается от Хелен, ловит мой взгляд и пристально смотрит мне в глаза. Старый, знакомый взгляд – как будто он проникает прямо в душу.

Эйден – единственный человек во всем мире, который знает все обо мне, все о моем прошлом, и он внимательно наблюдает за мной, удерживая взгляд.

Он присутствовал рядом, когда все пошло наперекосяк. О чем он думает?

Подозревает ли он, что я лгу?

Руперт обвивает рукой мои плечи, и я позволяю ему притянуть меня к боку и кладу голову на его широкую грудь.

Но я не отвожу взгляда от Эйдена.

10

Четырьмя годами ранее...

Апрель

– Что ж, с вчерашней годовщиной, дорогая, – сказал папа, и улыбка осветила его обветренное и загорелое лицо.

– Спасибо, папа.

– И спасибо, что приехала навестить меня в выходные, которые ты специально взяла по случаю праздника. Необязательно было...

– Папа, можно подумать, мы бы приехали сюда и не заглянули бы в гости.

– Я знаю, но мы виделись на прошлой неделе...

– Мне хотелось навестить тебя, папа.

– Что ж, я всегда рад видеть этот арбузик.

Я положила руки на живот.

– Я стала толще, да?

– Ты прекрасна. Я так горжусь тобой, дорогая. И Эйден будет замечательным отцом.

– Обязательно. Он так взволнован.

– А твои подруги рады? Что думает Хелен?

– Ты же знаешь Хелен. Она в восторге от меня, но дети не ее конек.

– Как она? Давненько я ее не видел.

– У нее все хорошо. Часто уезжает по работе, но она счастлива. – Я вздохнула, но когда отвела взгляд, мое внимание привлекла фотография на стене: доброе мамино лицо, ее сияющая улыбка. – Папа... Ты... Ты думаешь, мама была бы рада?

– Рада?

– Тому, как сложилась моя жизнь. Ну, не знаю... Гордилась бы она? Она именно этого для меня хотела?

Выразительное лицо папы застыло, и он опустил глаза, заметив свой пустой бокал для вина. Папа встал и направился к буфету за бутылкой, стараясь отвлечься от вопроса. Глубоко задумавшись, он наполнил свой бокал и сел.

Затем, перегнувшись через стол, потянулся к моей руке, крепко сжал ее и прошептал:

– Она была бы на седьмом небе от счастья. Жизнь, которую ты создала, – твоя карьера, Эйден, ребенок... Твоя жизнь – это именно то, чего она хотела для тебя.

– Я скучаю по ней.

– Я знаю, любимая. – Он снова сел ровно, но его рука продолжала сжимать мою. – Я тоже.

– Что я пропустил? – Эйден застыл на пороге, ощутив изменение настроения.

– Мы говорили о маме, – ответила я, когда он сел и обнял меня за плечи, придвинув свой стул ко мне так, чтобы оказаться совсем рядом.

Эйден поцеловал меня в макушку.

– Ты в порядке? – прошептал он.

Я повернулась к нему и кивнула, не сводя глаз с его губ, затем поцеловала в щеку, согреваясь в его объятиях.

Боже, я люблю его.

Я сидела в этом самом кресле в тот вечер, когда поняла, что влюблена в Эйдена. В тот вечер, когда он познакомился с папой. Эта мысль засела в глубине моего сознания, медленно поднимаясь на поверхность, но в тот вечер я наконец поняла, что это правда. Я любила его. Я не хотела никого, ничего, кроме него.

И с тех пор ничего не изменилось. Я любила его так же сильно, как и тогда. Он был для меня всем.

Эйден поднял бокал.

– За Шарлотту, – произнес он.

Вслед за ним мы с папой тоже подняли бокалы высоко над серединой стола и чокнулись.

Звук напоминал звон колокольчика.

– За Шарлотту.

– За маму.

– И за нового члена нашей семьи, – добавил папа. – Не могу дождаться его появления.

Пару часов спустя, после того как папа и Эйден выпили еще несколько бокалов вина, а я съела политый сливками пудинг, мы попрощались у двери. Папа положил ладонь на плечо Эйдена.

– Уверены, что не хотите остаться на ночь? Здесь всем хватит места.

– Знаю, папа, но я забронировала комнату в «Гербе королевы» в честь нашей годовщины.

Мы останемся в следующий раз, обещаю.

– Вы двое и это место. – Он улыбнулся. – Там чудесно, не правда ли?

– Великолепно, – согласился Эйден. – Мне очень нравится.

– Я все время говорю Наоми, что Лондон просто не идет ни в какое сравнение.

– Ну все, пап. – Закатив глаза, я усмехнулась.

– Однажды ты вернешься, попомни мои слова, – подмигнул он мне.

Папа протянул руку, и Эйден ответил на его рукопожатие. Они улыбнулись друг другу.

– Вы точно не хотите, чтобы я вас подвез?

– Мы можем дойти пешком. Сегодня выдался прекрасный вечер.

Я шагнула вперед. Папа заключил меня в объятия, и внезапно я снова стала маленькой девочкой – счастливой и гордой. Защищенной от всех бед.

– Я люблю тебя, папа.

– Я тоже люблю тебя, милая. Скоро увидимся.

11

Несколько часов мы провели в тишине. Наконец, полицейский стучит в дверь и сообщает, что обыск в доме закончен. Я выглядываю в окно – солнце садится.

– Можно спросить? – говорит Эйден. – Почему вы обыскивали дом, когда Наоми сказала, что наша дочь пропала снаружи? И почему это длилось так долго? Разве это не пустая трата времени? Разве вы не могли поискать снаружи? Здесь такая большая территория.

– Я знаю, – отвечает констебль, – и мне жаль, что это заняло больше времени, чем ожидалось, но дом тоже не маленький. Другая команда начала поиски снаружи, но существует стандартная процедура обыска имущества, когда пропадает человек, даже если этот человек пропал из сада, а не из самого дома. Наша работа – собрать как можно больше доказательств, даже если для этого нужно исключить все возможные варианты.

– Исключить все возможные варианты? То есть, по сути, подтвердить то, что вам уже сказала мать ребенка?

– Эйден! – одновременно произносим мы с Хелен. Она смотрит на меня и кладет руку ему на грудь.

– Что ж, эта дурацкая шутка...

– Успокойся. Они выполняют свою работу.

– Я понимаю, что вы расстроены, сэр, – отвечает констебль извиняющимся, но твердым тоном, – но существуют процедуры, которым мы должны следовать. И люди ведут поиск.

– Ладно. Мне нужно попить, – бормочет Эйден, проходя мимо констебля на кухню. Мужчина отступает, продолжая бормотать извинения.

Эйден пересекает кухню, машинально тянется к шкафчику слева от раковины и достает стакан. Открывает кран, несколько секунд спускает воду, а затем наполняет стакан и жадно пьет, после чего наполняет его вновь.

Брызнув воды на лицо, Эйден вытирает рот тыльной стороной ладони.

– Извините, – произносит он, ни к кому конкретно не обращаясь. – Просто... я не знаю, как с этим справиться. Кто-нибудь еще хочет воды?

– Да, тебе следует попить, любимая. – Руперт легонько подталкивает меня в плечо.

Я бросаюсь вперед, чтобы взять свой стакан, прежде чем он скажет что-нибудь еще. Никто больше не должен знать о будущем малыше. Особенно те, кто собрался в этой комнате.

Я встаю рядом с Эйденем и подставляю свой стакан под струйку воды, которая все еще течет из крана. Чувствую, как Эйден переводит взгляд на меня. Сколько раз мы так стояли? Бок о бок у кухонной раковины, как и любая другая пара. Воплощение супружеской жизни.

– Можно мне тоже? – Хелен появляется рядом с Эйденем. Он не отвечает, но приносит ей стакан и подставляет его под струю воды.

– Я чувствую себя таким бесполезным, ничего не делаю. Нам следует самим отправиться на ее поиски, – бормочет он.

– Скоро стемнеет, – напоминает Руперт, обходя кухонный островок и направляясь к нам троим. – Возможно, ты сможешь помочь в поисках завтра. Наверное, будет лучше, если мы все попытаемся немного отдохнуть.

– Руперт прав, – мягко произносит Хелен. – Мы можем вернуться завтра рано утром и помочь в поисках.

– Нет, я хочу остаться, – возражает Эйден тем же резким тоном.

– Что думаешь делать? – спрашивает Руперт, подходя ко мне. – Можем переночевать у меня, если ты предпочитаешь побыть в другом месте?

Перед моими глазами возникает дом Руперта. Когда я увидела это здание в первый раз, оно показалось мне таким причудливым и живописным. Выкрашенные в кремовый цвет камен-

ные стены, потрескавшиеся от времени, цветы, буйно растущие в горшках под окнами, и плющ, выющийся до самой серой шиферной крыши. Я рассмеялась при мысли о том, что такой крупный мужчина живет в маленьком старинном коттедже. Но Руперт сказал, что это была любовь с первого взгляда, а ради любви он готов пойти на компромисс. Я помню, как улыбалась, – так меня тронули его слова. «Вот мужчина, который будет любить меня, несмотря ни на что», – подумала я. В ту ночь мы впервые занялись любовью, и я заснула у Руперта на груди, а его рука обнимала меня за талию. Я чувствовала себя довольной. Защищенной от всех бед.

Но ни Руперт, ни его дом сейчас не могут предложить мне защиты или утешения. Мне нужно быть здесь. Мне нужно знать, что происходит, что делает полиция.

И когда я смогу вернуться к Фрейе.

– Нет, мне нужно остаться здесь, – шепчу я. Мой взгляд скользит мимо Руперта в прихожую – она наконец-то опустела. – Мне что-то холодно... Я поднимусь наверх и возьму джемпер потеплее.

– Я пойду с тобой...

– Нет, побудь здесь. Вернусь через пару минут.

Я выхожу из кухни и бегу вверх по лестнице в свою комнату, не оглядываясь на Руперта, который остался наедине с Эйденем и Хелен. Войдя, я захлопываю дверь, и замок со щелчком встает на место.

Комната кружится.

Бросаюсь к своему туалетному столику, который стоит под окном с видом на лес. Небо темное и серое, все еще идет густой снег. Я выдвигаю нижний ящик и запускаю руку в гущу разномастных носков и нижнего белья. Пальцы нащупывают кожаную обложку.

Мой дневник. Я вела его с тех пор, как родилась Фрейя.

Нашли ли они его? Конечно, они не рылись в моих ящиках. А даже если б нашли, стали бы они вообще его читать?

Я обвожу ногтями свои инициалы, выгравированные на лицевой стороне дневника. Быстро перелистываю страницы, небрежно написанные буквы мелькают перед глазами – и что-то падает на пол. Трое сияют от счастья, глядя на меня.

Фотография. Которую мы сделали за день до того, как он ушел.

Три года назад, в то утро, Эйден спустился вниз, одетый и готовый отправиться в командировку. В костюме-тройке он выглядел привлекательно. Эйден обнял меня, грубовато чмокнул в висок, и Фрейя засеменила к нему. Она бросилась к его ногам, и гортанный смех Эйдена заполнил кухню, когда он подхватил ее на руки. Видя, что дочь смотрит на него с обожанием, я достала свой телефон и, удерживая его на расстоянии вытянутой руки, сфотографировала нас всех троих. После того как Эйден ушел от меня, я распечатала этот снимок и целыми часами, день за днем, смотрела на него, пытаюсь мысленно вернуться в прошлое, чтобы пережить это снова: Эйден улыбается мне, положив ладонь на мою талию, Фрейя хихикает и в восторге размахивает руками.

Я поднимаю фотографию с пола и осторожно кладу ее между страницами.

Нужно спрятать дневник.

Я подхожу к краю своей кровати и опускаюсь на колени. Схватившись за нижнюю часть изголовья, тяну ее твердо, но медленно, осознавая, что грохот отдается по полу. Просовываю плечо в щель и толкаю, постепенно отодвигая кровать от стены, пока не освобождаю достаточно места, чтобы открыть потайную дверь. В детстве мы с Хелен играли в прятки, и я спряталась внутри – ей потребовалась целая вечность, чтобы найти меня. Дверца маленькая – в половину моего роста – и скрывает пространство на карнизе: идеальное укрытие.

Я заползаю в щель и запикиваю дневник так далеко в темный угол, насколько могу дотянуться, затем выбираюсь, закрываю дверь и задвигаю кровать на место.

Еще один секрет.

– Ты уверена, что хочешь остаться?

Мы стоим в коридоре, я поднимаю взгляд на Руперта, и его брови вопросительно взлетают вверх. Принимаюсь кивать, но давление в голове нарастает, когда я думаю обо всех этих настороженных глазах – вопрошающих взглядах. Мне хочется сказать им всем, что это огромная ошибка, чтобы они убрались и оставили меня, черт возьми, в покое. Признать то, что я натворила. Признать ложь.

Но я не могу. Я никогда никому не смогу рассказать. Фрейю заберут, и она останется совсем одна, а незнакомые люди будут осматривать ее. Копаться в моем прошлом. И меня будут винить. Я потеряю их обоих.

Я бы все отдала, чтобы добежать до леса, со сверхчеловеческой силой распахнуть стальной люк и отнести мою малышку домой. Когда полиция обыщет лес, – когда они придут к выводу, что ее нет на территории фермы, – я перенесу ее.

Если только ее не найдут... Полиция может обнаружить бункер в любой момент. Но крупные снежинки падают быстро, уже покрыв дорогу слоем первозданной белизны. Возможно, этот слой скроет недавно вскопанную землю или какие-нибудь следы, которые я нечаянно оставила. Возможно, снег спрячет то, что я натворила.

– Позвони мне, если появится что-то новое, Наоми, – говорит Эйден, и я возвращаюсь к реальности, когда он и Хелен выходят из парадной двери и прячутся от снега под крыльцом.

– Обязательно.

– Пообещай...

– Эйден. Я обязательно позвоню.

Он вздыхает, бросая взгляд на Хелен, которая тянет его за руку.

– Мне ужасно не хочется уезжать, – шепчет он ей.

– Дженнинг сказал, что сегодня мы ничего не можем сделать. Давай поедem в отель и немного отдохнем. – Она кивком указывает в сторону машины.

Эйден колеблется, но, отведя от нее взгляд, тут же смотрит мне в глаза. У меня покалывает в затылке, когда наш обмен взглядами затягивается.

Эйден отворачивается, и мои щеки вспыхивают.

На три шага опережая Хелен, он подходит к машине и неуклюже садится в салон. Менее суток назад я смеялась, глядя, как он оттуда выбирается.

Я впираюсь ногтями в сгиб своего локтя. Это мне следовало бы сесть в машину с Эйдемом. Мы бы поехали в «Герб королевы» и утешали друг друга, связанные общим горем. Но вместо этого он отправляется туда с ней.

Машина Эйдена катится по подъездной дорожке мимо группы констеблей и собаки, натянувшей поводок. Я вытягиваю шею, чтобы посмотреть, как он поворачивает налево, выезжая с фермы, и...

И вот она здесь.

Фрейя.

Одетая в пижаму, она стоит в конце подъездной дорожки и смотрит на входную дверь. Ее волосы взъерошены, будто перья у птенца. Маленькой ручкой, сжатой в кулачок, она протирает глаза, прогоняя сон, как делала с самого младенчества.

Я крепко зажмуриваюсь.

Жду, а затем моргаю, долго и медленно, готовясь к тому, что ее образ исчезнет.

Но она никуда не пропала и теперь идет к дому, не спуская с меня вопросительного взгляда. *«Почему ты бросила меня?»*

– Руперт? – Я рвусь из его рук. Он собирался закрыть входную дверь и теперь хмурится, услышав мой вопль. – Открой дверь!

Он толчком распахивает дверь, и я выхожу из-под навеса крыльца в снег. Босые ноги покалывает от холода, но я хочу побежать прямо к ней...

Ее там нет.

И не было.

Ее больше нет, и чувство потери снова наваливается на меня и захлестывает с головой.

Я поворачиваюсь обратно к дому, который нависает надо мной. Он простоял здесь сотни лет, наблюдая все светлые и темные вехи нашей жизни: торжества, неудачи, повседневную рутину, редкие радости и слишком частые уколы печали. И вот теперь – безвозвратную потерю ребенка. Непростительную ложь матери.

Я захожу в дом и захлопываю за собой дверь.

12

Через застекленную балконную дверь я смотрю на небо. Над лесом опускается ранний вечер. По небу плывут плотные облака, но луна яркая, почти полная, тени на ее поверхности едва заметны. Фрейя часто спрашивала о человеке на Луне². Что он там, наверху, делает? Как туда попал? Разве ему не одиноко?

Хотела бы я во что-нибудь верить. Хотела бы я, чтобы религия убедила меня в том, что Фрейя сейчас счастлива и находится рядом с людьми, которые ее любят. И что она никогда больше не почувствует себя одинокой или напуганной.

Но я ни во что не верю. Фрейя не ушла на небеса. Ее просто больше нет.

В тишине маленькой комнаты я прокручиваю в уме одни и те же вопросы. Что с ней произошло? Что случилось прошлой ночью? Я все время представляю, как Фрейя падает, снова и снова разыгрываю в голове один и тот же воображаемый сценарий, но картинка размыта, детали неясны.

Мне следовало проснуться. Следовало прийти ей на помощь. Она наверняка звала меня – кричала или плакала. Она нуждалась во мне. А меня не было рядом.

А если той ночью я все же проснулась, но просто ничего не помню? Возможно ли такое? Бывали случаи, – слишком много раз, – когда после таблеток у меня отшибало память. Ловлю себя на мысли, что пытаюсь вспомнить, но в голове сплошная пустота.

Слышала ли я ее? Она приходила ко мне?

– Наоми?

Руперт подвигается на диване и жестом приглашает меня присесть рядом, но я застыла на месте, как марионетка, у которой обрезают ниточки. Не могу пошевелиться.

– Садись, Наоми. Тебе нужно отдохнуть.

Я шаркающей походкой пересекаю комнату и падаю в кресло. Голова свешивается с подлокотника, так что я смотрю на мир, перевернутый с ног на голову. Небо подо мной, а земля нависает сверху, и я падаю, кувыркаясь через себя, снова и снова, пока не перестая ориентироваться в пространстве.

Что случилось с моей дочерью? Узнаю ли я когда-нибудь?

А ты хочешь это знать?

Комната кружится. Я поднимаю голову и откидываю ее на спинку кресла.

Нужно выяснить, что случилось с Фрейей. Как я могу оставить этот вопрос без ответа? Фрейя была в моем доме, и подразумевалось, что здесь она в безопасности. Как она упала? Она звала меня? Или все произошло мгновенно? Как будто щелкнули выключателем: раз – и погас свет.

Проходят часы. Руперт приготовил поесть, но мне кусок в рот не лезет. Я просто сижу и наблюдаю за ним. Он пытается нарушить молчание и вовлечь меня в беседу. У меня звонит телефон, и я бросаюсь к трубке, но там кто-то спрашивает, не попадала ли я недавно в аварию. Обрываю звонок, не ответив ни слова.

Через некоторое время глаза Руперта закрываются, и его голова, отяжелев от усталости, откидывается назад, а дыхание становится глубоким и размеренным. Я поднимаюсь с дивана и на цыпочках иду наверх, в свою ванную комнату.

Ловлю свое отражение в зеркале, и та же усталая, ослабевшая женщина смотрит на меня в ответ. Но, в отличие от сегодняшнего утра, ее глаза потухли. В них нет ничего, никаких эмоций. Ничего.

² Пятно (тень) на видимой поверхности Луны, похожее на лицо или тело человека. (Здесь и далее прим. переводчика).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.